

**Поль Лакруа
Фердинанд Сере**

**Средневековье и
Ренессанс. Том 3**

Поль Лакруа Фердинанд Сере Средневековье и Ренессанс. Том 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73125893

SelfPub; 2026

Аннотация

Том является энциклопедией социальной истории. Он отражает методологию историков середины XIX века, стремившихся к всесторонней реконструкции прошлого. Уникальным является сочетание таких тем, как тайные суды и придворный этикет, что позволяет увидеть контрасты эпохи. Разделы о ювелирном искусстве логично завершают тему частной жизни и роскоши, подготавливая почву для последующих томов о других видах искусства. Этот том – незаменимый источник для понимания материальных условий, социальных иерархий и менталитета людей Средневековья и Ренессанса в представлении учёных эпохи романтизма.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. – НРАВЫ И ОБЫЧАИ	4
ЦЕРКОВНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.	4
ЦЕРЕМОНИАЛ, ЭТИКЕТ.	87
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. – НРАВЫ И ОБЫЧАИ	146
ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ	
ЦЕХОВЫЕ КОРПОРАЦИИ	146
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Поль Лакруа, Фердинанд Сере Средневековье и Ренессанс. Том 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. – НРАВЫ И ОБЫЧАИ НРАВЫ И ОБЫЧАИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ.

ЦЕРКОВНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.

В первые века христианства Церковные обряды были просты и совершенно тайны. Христиане, чтобы избавиться от преследований, укрывались в уединенных местах, в непроходимых лесах, в глубоких катакомбах, чтобы там спокойно совершать таинства своей религии. Так продолжалось до начала четвертого века, когда Константин, победив Максенция и став властителем Италии и Африки, положил конец гоне-

ниям, принял христианство и сделал его религией империи. Только с тех пор начались внешнее богослужение и публичные Церемонии Церкви.

Папа, епископ Рима, есть видимый глава Римско-католической церкви, наместник Иисуса Христа, законный преемник святого Петра. Он обладает верховной властью над Церковью. Он созывает соборы, создает кардиналов, назначает или утверждает епископов; учреждает, разрешает или упраздняет по своему усмотрению монашеские ордена, следит за сохранением догмата, издает и публикует буллы, бреве, энциклики в интересах веры и дисциплины; отлучает или снимает отлучение; раздает индульгенции и т.д. Верховенство римского епископа установлено в актах вселенских соборов и в священных канонах. Оно было формально признано указом императора Валентиниана III, но никогда не переставало оспариваться патриархами Восточной церкви. В своей десятой сессии собор, состоявшийся во Флоренции в 1439 году, изменил порядок этих патриархов, указанный в канонах: так что, как там сказано, Константинопольский патриарх считается вторым после святого римского первосвященника; Александрийский – третьим; Антиохийский – четвертым, а Иерусалимский – пятым, без ущерба для их привилегий или прав.

Порядок избрания пап претерпевал до двенадцатого века многочисленные изменения. Мы видим, что папы сначала избирались римским духовенством и христианским населе-

нием Рима; затем Одовакар, вождь герулов, ставший обладателем Италии после поражения Августа, объявил, что это избрание будет происходить только с его согласия; его убийца и преемник, Теодорих, король остготов, по собственной власти назначает папу Феликса IV. В 774 году, когда Карл Великий завоевал Ломбардию и сверг с престола своего тестя Дезидерия, дочь которого он только что отверг, папа Адриан I, призвавший на помощь этого великого императора, предоставил ему, как говорят, совместно со ста пятьюдесятью епископами и всем римским народом, право единолично избирать верховного первосвященника. Карл Великий повелел, чтобы выборы производились духовенством и народом; чтобы результат выборов представлялся на утверждение императору, и чтобы посвящение избранника происходило только на основании этого утверждения. Людовик Благочестивый, Лотарь и Людовик Заика способствовали восстановлению и полному сохранению права выборов за римлянами. В десятом веке папа Лев VII возвращает это право императору Отгону I, а Николай II в 1059 году вновь передает его императорам и на соборе устанавливает формальности, которым следует подчиняться при избрании пап. Около 1126 года духовенство, народ и сенат избирают пап без согласия и утверждения императора; наконец, Иннокентий II передает это право, предмет стольких честолюбивых стремлений и конфликтов, одним лишь кардиналам.

Гонорий III, избранный папой в 1216 году, постановил,

чтобы выборы пап происходили в конклаве; его предшественник, Иннокентий III, считается тем, кто решил, что они могут совершаться тремя способами: путем голосования (баллотировкой), путем соглашения (компромисса) и путем вдохновения.

Выборы совершались путем соглашения, когда доверяли выбор какому-нибудь кардиналу, обязуясь признать папой того, кого он изберет. В 1314 году кардиналы, собравшиеся в Лионе после смерти Климента V, не будучи в состоянии согласиться в выборе папы, предоставили выбор голосу кардинала Жака Дёза, который сам назвал себя, сказав: «Ego sum papa» (Я – папа). Он занял Святой Престол под именем Иоанна XXII. Однако выборы путем соглашения применялись крайне редко, так же как и выборы путем вдохновения, которые состояли в том, чтобы воскликнуть, словно внезапно вдохновленным: «Такой-то – папа!». Лионский собор 1274 года, при понтификате Григория X, в своей пятой сессии устанавливает форму, законы и процедуру избрания пап путем голосования (баллотировки).

Прежде чем приступить к подробному описанию этого рода выборов, единственного действительно принятого и канонического, мы считаем необходимым сказать о соборах, поскольку решения этих собраний являются законом для Церкви как в вопросах, касающихся веры, так и в вопросах дисциплины и обрядов.

Первый собор состоялся в 51 году от Рождества Христо-

ва, по случаю разделения, которое учение Керинфа, иудейского гностика, вызвало среди верующих Антиохии. Решили отправиться в Иерусалим, чтобы посоветоваться с апостолами, которые собрались там в числе пятерых: святой Петр, святой Иоанн, святой Иаков, святой Павел и святой Варнава. Остальную часть собора составляли их ученики и церковь Иерусалима. Их решение было изложено письменно и начиналось словами: «*Visum est enim Spiritui Sancto et nobis*» – ибо угодно Святому Духу и нам, и т.д. Это первое собрание апостолов в Иерусалиме послужило образцом при проведении вселенских соборов. Вселенские соборы должны были собираться каждые десять лет, в месте, указанном папой. Четвертый (поместный) Толедский собор 633 года так указывает форму их проведения:

«В первый час дня, до восхода солнца, всех выведут из церкви и затворят ее двери. Все привратники будут стоять у двери, через которую должны войти епископы; те войдут все вместе и займут места согласно своему порядку рукоположения. После епископов позовут тех священников, которых какая-либо причина обязывает ввести; затем – диаконов, с таким же выбором. Епископы будут сидеть в круг; священники – сидя позади них, а диаконы – стоя перед епископами. Затем войдут миряне, которых собор сочтет достойными. Также введут нотариусов, чтобы читать и записывать то, что будет необходимо, и будут охранять двери. После того как епископы долго посидят в молчании и будут погру-

жены в Бога, архидиако́н скажет: «Помолимся». Тотчас все прострут­ся ниц и будут долго молиться в молчании со слезами и воздыханиями, и один из старейших епископов под­нимется, чтобы вслух произнести молитву; остальные оста­нутся распростертыми. Когда он закончит молитву и все от­ветят: «Аминь», архидиако́н скажет: «Встаньте». Все подни­мутся, и епископы и священники сядут, со страхом Божи­им и благоговением; все сохранят молчание. Диако́н, обла­ченный в альбу, принесет посреди собрания книгу канонов и прочтет те из них, которые говорят о проведении соборов. Затем митрополит-епископ возьмет слово и призовет тех, у кого есть какая-либо жалоба или дело для рассмотрения. Не будут переходить к другому делу, пока не будет закончено первое. Если кто-либо извне, священник, клирик или ми­рянин, хочет обратиться к собору, он заявит об этом архи­диако́ну митрополии, который известит о деле собор. Тогда стороне будет позволено войти и представить свое дело. Ни один епископ не выйдет до времени закрытия заседания; ни­кто не покинет собор, пока все не будет завершено, чтобы иметь возможность подписать решения; ибо должно верить, что Бог присутствует на соборе, когда церковные дела завер­шаются без смятения, с усердием и спокойствием».

Пьетро Сарпи, известный как фра Паоло, написал «Исто­рию Тридентского собора», последнего из вселенских собо­ров; мы, следуя ему, приведем его обряды. Этот вселенский собор был первоначально созван буллой папы Павла III на 23

мая 1537 года, по случаю быстрого распространения ереси Лютера, Цвингли и Кальвина. Но герцог Мантуанский, не пожелав предоставить свой город для проведения собора, папа отсрочил это собрание до мая 1538 года и назначил город Виченцу местом собрания. Поскольку ни один епископ не прибыл в этот последний город, папа вновь отсрочил собор до Пасхи 1539 года; затем, из-за некоторых вновь возникших разногласий, отложил его до того дня, когда ему будет угодно его провести. Наконец, спустя три года, в 1542 году, после долгих споров о выборе места между папой, императором и католическими государями, которые желали Регенсбурга или Кёльна, тогда как папа требовал, чтобы собор состоялся в Италии, был принят город Тренто. Буллой собор был назначен на 15 марта 1543 года, но разногласия, возникавшие ежедневно, отложили его открытие до 13 декабря 1545 года.

В тот день легаты и епископы, в числе двадцати пяти, облаченные в свои понтификальные одеяния, в сопровождении своих теологов, духовенства Тренто и всего народа города и окрестностей, отправились процессией из церкви Троицы в собор, где кардинал дель Монте, первый легат, отпел мессу Святого Духа, и епископ Битонтский, от имени Его Святейшества, произнес речь, чтобы увещевать отцов отрешиться от всяких страстей и иметь в виду только славу Божию. После этой речи все преклонили колени, прочли тихо молитву; после чего глава собора от имени всех прочел молитву, которая начинается словами «Adsumus, Domine,

Sancte Spiritus». Затем пропели Литании, и диакон прочел Евангелие о послании семидесяти двух учеников, взятое из главы X святого Луки. После того как пропели гимн «Veni, Creator Spiritus», все, заняв вновь свои места, кардинал дель Монте сам прочел указ о созыве, спрашивая отцов: угодно ли им объявить, что святой Тридентский собор начался во славу Божию, для искоренения ересей, реформирования духовенства и народа и смирения врагов христианского имени? На что они все ответили: «Placet» (угодно), причем легаты говорили первыми, затем епископы и прочие отцы. Тот же легат спросил их затем: не желают ли они, по причине препятствий, связанных с праздниками конца этого и начала следующего года, чтобы вторая сессия состоялась 7 января следующего года? И они вновь ответили: «Placet». Эрколе Северола, промотор собора, потребовал от нотариусов составить об этом публичный акт; пропели «Te Deum», и отцы, сняв свои понтификальные одеяния, проводили легатов, предшествуемых крестом, до их жилищ.

7 января, в день второй сессии, все прелаты, выйдя из дома первого легата, где они собрались в обычных одеждах, направились в соборную церковь, предшествуемые крестом, посреди трехсот пехотинцев Трентского графства, которые были вооружены пиками и аркебузами и которые вместе с несколькими всадниками образовали шеренгу до самой церкви. Когда кортеж прибыл, все эти солдаты дали залп на площади и остались там для охраны во время сессии. Кро-

ме трех легатов и кардинала Трентского, собрались четыре архиепископа, двадцать восемь епископов, три аббата конгрегации Монтекассино и четыре генерала орденов; что составляло в общей сложности сорок три человека, образующих вселенский собор. Среди теологов, которые стояли, были двое, Олкастер и еще один, которым, в знак уважения, было позволено сидеть. Посол римского короля и прокурор кардинала Аугсбургского присутствовали на заседании, на скамьях послов, и рядом с ними – десять дворян из окрестностей, выбранные кардиналом Трентским. Хуан Фонсека, епископ Каstellо-а-Маре, отпел мессу, а Кориолан Мартирано, епископ Сан-Марко, произнес проповедь. После мессы епископы, облачившись в свои понтификальные одеяния, пропели литании и произнесли те же молитвы, что и на первой сессии. Подобная церемония соблюдалась и на последующих сессиях.

Чаще всего соборы проводились в соборных церквях или в просторных ризницах; однако это не было обязательным правилом. Первый вселенский собор, Никейский, собрался в зале дворца императора Константина, и шестой, в Константинополе, под императорским куполом – «*in loco qui dicitur Trullus*»; потому и называют этот собор «*in Trullo*». Заметим, кстати, что в Арле древний дворец Константина до сих пор называют Труйль или Труйан, и что именно в этом дворце собрался второй собор, проведенный в этом городе.

Какое бы место в итоге ни было выбрано, оно должно было

быть надлежащим образом убрано. Отцы Тридентского собора потребовали, чтобы зал заседаний был затянут гобеленами, в противном случае, как сказано в «Римском церемониале», существовала опасность, что собор будут рассматривать как собрание ремесленников и мастеровых...

Если собор должен проводиться в церкви, добавляет тот же «Римский церемониал», в ней оставят только один вход, двери которого можно будет надежно затворить. В верхней части этой церкви, рядом с главным алтарем, будет отведено подходящее пространство для совершения торжественных месс, которое будет отделено досками или любой другой перегородкой от нижней части, где разместится собрание. В глубине отведенного пространства, напротив, будет воздвигнут трон папы, сиденье которого, возвышающееся на трех ступенях, будет покрыто золотой парчой; балдахин и его спуски будут из той же парчи; ковер, а также большая и малая подножные скамьи – из алого сукна. На ступенях трона будут два сиденья для ассистирующих диаконов, и первый кардинал-священник разместится на более высоком сиденье, справа или слева, в зависимости от его обязанностей ассистирующего капеллана, и тогда он должен быть облачен в плащ (каппа), а не в казулу.

Если император лично присутствует на соборе, два ассистирующих диакона сойдут и сядут перед Его Святейшеством на двух маленьких скамеечках, согласно древнему обычаю. Императорское кресло будет приготовлено справа

от папы, всего на двух ступенях, примыкающих к ступеням папского трона, и позаботятся о том, чтобы его высота не превышала высоты ног первосвященника. Это кресло будет украшено сзади золотой парчой, но над головой императора ничего не будет; подножная скамья будет зеленого цвета.

Если на соборе присутствуют один или два короля, у них будут кресла со спинкой, доходящей до плеч, украшенные, как скамьи кардиналов, с малиновыми подушками, и зеленая подножная скамья без ступеней. Короли будут размещены по обе стороны и не совсем на одной линии с папой, а несколько наискось, так чтобы они могли видеть лицо Его Святейшества.

По длине отведенного пространства будут размещены скамьи со спинкой и одной ступенью для кардиналов и прелатов: епископы и священники займут половину, справа; другая часть, слева (справа от папы), которая должна быть выше на четыре-пять пальцев и украшена более богатыми тканями, будет предназначена для кардиналов-диаконов.

Напротив папы и в конце этих двух рядов скамей будут размещены в поперечной линии четыре отдельных кресла со спинкой для патриархов четырех церквей: Константинопольской, Антиохийской, Александрийской и Иерусалимской. Эти кресла будут на равном расстоянии друг от друга, и середина будет образовывать как бы дверь и вход четырехугольника. Оные патриархи, облаченные в парадные одежды или нет, во время месс или других действий, садятся раньше

ассистентов папы. Прочие патриархи, примасы, архиепископы, епископы, аббаты, все в парадных одеждах, разместятся по обе стороны после кардиналов; затем – ораторы королей и принцев, если они в парадных одеждах, и остальные прелаты, также в парадных одеждах. Когда первый ряд скамей окажется заполненным, они встанут сзади; последними будут генералы орденов.

Прелаты, какого бы ранга они ни были, должны, согласно указу папы Григория II, занимать место среди своих собратьев согласно порядку их возведения в сан. Ассистенты папы, облаченные в свои парадные одеяния, сядут слева на ступенях папского трона, как уже было сказано; апостольские протонотарии и клирики палаты – справа; субдиаконы, аудиторы Роты и аколиты – спереди, у ног папы. У подножия ступеней, на самом полу, будут два тайных камерария, декан аудиторов, который держит митру, и секретарь папы, если он не является прелатом.

Миряне-ораторы или не прелаты размещаются на простых маленьких сиденьях, которые образуют первую внутреннюю линию квадрата, и более или менее близко к папе, в зависимости от достоинства их господ. Если присутствует какой-либо великий князь, его место будет на скамье диаконов и после всех диаконов. Прочие миряне, низшего ранга, разместятся вместе или после ораторов-не прелатов, согласно их положению, а прочие священники и клирики будут стоять позади скамей прелатов.

Также будет воздвигнут в подходящем месте зала собора алтарь, увенчанный крестом со Святыми Дарами и содержащий мощи какого-либо святого. У этого алтаря папа, когда прибывает на собор, совершает свою молитву и призывает благословение Святого Духа на собрание. Если папа не должен присутствовать на соборе, сиденья могут тогда быть расставлены, начиная от алтаря; и, по окончании мессы, председатель собора, облаченный в свои священные одеяния, как если бы он собирался служить, сядет в кресло у алтаря.

Святой Кирилл Александрийский в «Апологетике деяний вселенского собора в Эфесе» говорит, что Евангелие было положено там на папский трон, как представляющее Иисуса Христа, чье слово должно постоянно звучать в ушах священников. Луп, аббат Ферьерский, в девятом веке также сообщает, что на том же соборе святое Евангелие занимало середину трона; поэтому римские легаты, которые председательствовали на этом собрании от имени папы, разместились слева от входивших: таким образом, они оказывались справа от Христа и как бы под Его взором.

Присутствие императора или королей не давало им никакого права участия в деяниях этих соборов. Они присутствовали там как официальные защитники, не обладая при этом никакой юрисдикцией, лишь следя за поддержанием спокойствия и порядка, а также за исполнением декретов, и обычно они были в своем императорском или королевском облачении. Евсевий, епископ Кесарии Палестинской, написавший

жизнь Константина, говорит, что когда этот император входил на первый Никейский собор, он был в пурпурном одеянии, сиявшем золотом и драгоценными камнями, и был подобен небесному ангелу посреди ослепительных лучей.

Император Сигизмунд присутствовал на второй сессии Констанцского собора, в одеянии диакона, на мессе, совершавшейся папой по понтификальному чину, и он пел там Евангелие первой рождественской мессы 25 декабря 1414 года. Антонио Паджи сообщает, что тот же император прибыл на третью сессию этого собора в императорском облачении, и что в другой раз он восседал, облаченный в далматику и плащ, увенчанный диадемой, в сопровождении двух легатов «a latege» и четырех вельмож, которые несли: Людовик, пфальцграф, – золотой державный шар; Генрих, герцог Баварский, – меч; бургграф Фридрих – скипетр; а Андрей, барон Венгерский, – корону.

Кардинал Якобаччи в книге I своего «Трактата о соборах» говорит, какими должны быть парадные одеяния членов собора, а именно: Кардиналы и прелаты – в плаще, каппе и своих священных одеждах; епископы – в белой митре, простой, без украшений; кардиналы – тоже в белой митре, но слегка расшитой золотом; папа – в своих понтификальных одеяниях, красном плаще и драгоценной митре на голове, согласно обряду, соблюдавшемуся на Констанцском соборе.

Часто обсуждался вопрос, употреблялись ли в первые века Церкви для Церковных церемоний особые одеяния, от-

личные от тех, что носились в гражданской жизни. По-видимому, несомненно, что облачения апостолов и их непосредственных преемников для богослужения мало отличались от обычной одежды; и можно понять, что так и должно было быть, особенно во времена гонений на христиан. Однако Женебрар доказывает, ссылаясь на святого Климента, Тертуллиана и другие авторитеты, что даже в первобытной Церкви употреблялись священные одежды; и в поддержку этого мнения он приводит, среди прочих доказательств, запрет, который наложил в 260 году святой Стефан, папа и мученик, употреблять их, как и другие богослужебные украшения, вне церковного помещения – «*extra ecclesiam vestes sacerdotales et legumenta allarium*». Тот же папа говорит также, что эти одежды должны быть благопристойными, посвященными божественной службе, и что никто не может облачаться в них, кроме духовных лиц.

После 1000 года соборы регулировали обязанности и костюм каждого в синоде. Будапештский собор 1279 года назначает епископам и аббатам в митрах – суперпеллиций (*superpelliceum*) (так названный, потому что надевался поверх меховой одежды, которую прежде носили духовные лица, особенно на севере, – сюрпелис); столе (это была сначала открытая спереди одежда, и прорезь была обшита золотым галуном – *aurum phrygium*, фригийское золото, золотое шитье, изобретение которого принадлежит фригийцам); плащ (каппа), чье название указывает на его употребление,

и митру; низшим прелатам – суперпеллиций, столу и плащ; приходским настоятелям (parochis, то есть тем, кто был поставлен епископами председательствовать на собраниях верующих в селениях, население которых было недостаточно значительным, чтобы учредить там епископскую церковь) и прочим священникам – суперпеллиций и столу; монахам – только столу. Кёльнский синод 1280 года назначает альбу и столу – приорам, архипресвитерам и сельским деканам; священникам – только суперпеллиций.

«Римский церемониал» так описывает одеяния папы: Когда верховный первосвященник торжественно появляется на публике, он облачен либо в плащ (каппа), как кардиналы, но открытый на груди, с митрой; либо в папскую мантию (mantum) с капюшоном на голове; он носит белую шерстяную одежду, рочет, красные чулки и сандалии, украшенные крестом.

Теперь мы должны вернуться к избранию папы путем голосования (баллотировки) и к церемониям конклава, который имеет целью это избрание.

Со смерти Климента IV до избрания Григория X произошел трехлетний междупапский период (1268–1271); кардиналы, собравшиеся в Витербо, где умер последний папа, не могли прийти к согласию относительно выбора его преемника, несмотря на свои частые собрания с этой целью; ибо в то время, говорит Панвинио (в своих примечаниях к жизнеописанию Григория X, написанному Платиной), обычай за-

ключать кардиналов в конклав, как это происходит теперь, еще не был принят; но каждое утро они собирались либо в Латеранской базилике или в базилике Святого Петра, если были в Риме, либо в соборной церкви любого другого города, где они могли оказаться собранными. Кажется, однако, несомненным, что если Григорий X первым предписал эту форму в своей Конституции, прочитанной на втором Лионском вселенском соборе, то задолго до того кардиналов уже заключали таким образом в конклав (*cum clave*, под ключ); например, при выборах Гонория III, Григория IX, Целестина IV и Иннокентия IV; но Панвинио добавляет, что это не было по праву – «*tamen id de jure faciendum non est*».

До Григория X не существовало никакого правила, которое обязывало бы присутствующих кардиналов ждать в течение определенного ограниченного числа дней прибытия отсутствующих, чтобы заняться избранием нового папы. Обычно давали пройти трем дням, иногда меньше. Иннокентий III был избран в самый день смерти Целестина III, а Григорий IX – на следующий день после смерти Гонория III. Согласно Конституции Григория X, кардиналы должны входить в конклав не менее чем через десять дней после смерти папы.

Во время вакантности Святого Престола и проведения конклава четыре кардинала разных орденов разделяют между собой управление общественными делами, а именно: кардинал-декан или первый кардинал-епископ, первый карди-

нал-священник, первый кардинал-диакон и кардинал-камерленго; трое первых берут на себя дела юстиции и полиции; последний разбивает печати, которые служили умершему папе, и чеканит монету его штемпелем. Эта монета несет два ключа накрест под хоругвью Церкви, со словами: «Sede vacante» (престол вакантен). Чаще всего избрание папы происходило в Риме, вопреки Конституциям Григория X и Климента V, которые предписывали, чтобы оно происходило в самом месте смерти папы. Величие Ватикана и его близость к базилике Святого Петра побудили в свое время кардиналов выбрать этот дворец для проведения конклава.

Последние почести, отданные усопшему папе, камерарий святой Римской церкви и чиновники апостольской палаты спешат подготовить место конклава; и прежде всего замуравить двери и окна, выходящие наружу, оставив лишь один вход, дверь которого снабжена засовами и четырьмя замками, и в середине которой есть окошечко для передачи провизии. Парис де Грассис, церемониймейстер римского двора, сообщает в своем рукописном «Журнале» (во время вакантности Святого Престола после смерти Юлия II), что из-за обманов, совершавшихся через это окошечко при приносе провизии, он предложил кардиналам, которые на это согласились, заменить его вертящимся шкафом, как у монахов: поставили, таким образом, хорошо запертую дверь с каждой стороны этого шкафа, и стражи конклава получили ключ от наружной двери, а церемониймейстер – ключ от внутренней

двери. Меньшая из двух капелл, справа при входе в Ватикан, капелла, посвященная святому Николаю (называемая Паулинской, с тех пор как Павел III велел ее восстановить), – это та, где должны собираться отцы, чтобы слушать богослужение и приступать к выборам. В большей капелле, слева, устроены кельи кардиналов. Эти кельи, сформированные из легких сосновых стоек, покрыты фиолетовой сержанью для кардиналов, родственников умершего папы или его ставленников, и зеленой сержанью для остальных. Кажется, что различие, определяемое этими двумя цветами, началось со смерти Юлия II; ибо «Журнал» Бурхарда сообщает нам, что на конклаве, где был избран Иннокентий VIII, кельи были из зеленой, красной, белой и т.д. сержани, по вкусу каждого. Кельи распределяют по жребию накануне входа в конклав, как для присутствующих кардиналов, так и для тех, кто может прибыть. Каждая помечена буквой алфавита. Слуге каждого кардинала вручают билет с буквой, выпавшей его господину, чтобы он мог устроить келью и внести туда необходимую мебель, а именно: кровать, стол, скамью, сундук, по мере надобности, но который не должен иметь крышки, сосуды для вина и воды и другие деревянные принадлежности. Со времен П. Амелия, который приводит эти подробности в своем «XV римском уставе», обстановка, по-видимому, улучшилась, ибо в «Истории конклавов» мы видим, что стулья, кровать и стол покрыты той же тканью, что и келья. День и воздух проникают в это маленькое помещение через

отверстие, сделанное в его верхней части, и через другое, устроенное над входом. Каждый кардинал вешает свой герб на свою дверь. Эти кельи выстроены в одну линию и разделены между собой маленьким проходом шириной около фута. В каждой есть отделение для конклавистов, числом двое и даже трое, если кардинал нездоров. Слева при входе в эту большую капеллу находятся комнаты, где живет сакристин дворца, и первая из них – гардеробная конклава; все устроено так, что дневной свет туда не проникает, также там всегда должны гореть лампы. Агостино Патрици, автор «Римского церемониала», который сам был церемониймейстером при нескольких папах, прямо говорит, что церемониймейстеры должны спать в этом самом месте, «*in ipsis latrinis*». Парис де Грассис помещает туда врача и добавляет, что это место должно очень хорошо охраняться: потому что он заметил, что конклависты часто имеют там связи с людьми извне.

Во время этих приготовлений отцы собираются либо в ризнице церкви, где происходили похороны умершего папы, либо в доме первого камерария, если он подходящ и если он входит в коллегию кардиналов, ибо камерарий может не быть кардиналом. Временное управление городом и римским двором принадлежит Священной Коллегии и в особенности камерарию.

Так как дворец Ватикана заключает в себе несколько верхних дворов, окруженных стенами, то у всех выходов, у окон, как и у дверей, ставят стражников, назначенных кардинала-

ми. Охрана первых ворот дворца поручается какому-либо знатному прелату или благородному лицу сразу после смерти папы, и под его командование отдают двести-триста пехотинцев. Прочие стражи, взятые из числа сановников римского двора, консерваторов, глав кварталов и благородных граждан, вступают в свои обязанности только с открытием конклава: они обязываются присягой тщательно осматривать все, что будет приноситься кардиналам, не получать от них и для них никаких писем — отцы должны устно просить все, в чем они могут нуждаться —; наконец, не допускать никого в конклав, если только это не прибывающий кардинал, и тогда его вводят вместе со священником и клириком.

Когда место конклава таким образом устроено, на десятый день после смерти папы отцы присутствуют на торжественной мессе Святого Духа в базилике Святого Петра. Прелат произносит речь, чтобы увещевать кардиналов избрать достойного преемника князя апостолов. После этой речи кардиналы, облаченные в свои фиолетовые каппы, отправляются процессией в конклав, идя по двое, в сопровождении стражи и всего народа. Впереди идет церемониймейстер с крестом, ликом Христа обращенным к кортежу; за ним следуют кардиналы; затем епископы, прелаты и диаконы. Мирские слуги кардиналов идут впереди креста, и за ними непосредственно следуют певчие и музыканты, которые поют гимн: «Veni, Creator».

Когда месса была окончена, рассказывает Парис де Грас-

сис, я, как церемониймейстер и в облачении суперпеллиция, взял крест, и мы начали выступать. Народу было так много, что я с трудом двигался и выходил из капеллы. Мы направились к большим дверям, которые находятся слева от портика Святого Петра, со стороны дворца, в который мы вошли. Мы поднялись по ступеням, ведущим на верхние этажи, где должен был состояться конклав. Мой коллега, из-за усталости, которую я испытывал, неся крест во время столь долгого пути, сменил меня и продолжал нести его до алтаря большой капеллы, где были кельи кардиналов. На алтаре (*cum monilibus*) была только скатерть и два зажженных подсвечника, без большего великолепия. Когда гимн был окончен, преподобнейший кардинал Сан-Джорджо, стоя (*in cognu Evangelii*) на стороне Евангелия, пропел молитву, и кардиналы, сняв свои большие каппы, вошли каждый в свою келью, за исключением некоторых, которые, живя во дворце, отправились обедать к себе.

После занятия келий кардиналы направляются в Паулинскую капеллу, где зачитывают буллы, касающиеся избрания папы, и декан Священной Коллегии увещевает собрание следовать им. Кардиналы имеют разрешение отправиться обедать к себе домой, при условии, что они вернутся в конклав до трех часов ночи (то есть через три часа после захода солнца). Губернатор и маршал конклава размещают солдат везде, где они считают это необходимым для безопасности выборов. Послы держав и все те, кто заинтересован в этих выбо-

рах, могут появляться, только в этот день, в конклаве до трех часов ночи. Тогда церемониймейстер звонит в колокол, чтобы предупредить всех тех, кто не имеет права оставаться в конклаве, что они должны удалиться. После этого дверь конклава запирается изнутри и снаружи; церемониймейстеры имеют два внутренних ключа, а те, что снаружи, находятся в руках прелатов-стражей. Затем зажигают факелы и осматривают все места, чтобы удостовериться, что не осталось никого постороннего конклаву. Те, кто должен оставаться там, обозначены Конституцией Пия IV следующим образом: сакристин с одним клириком для помощи в службе сакристии; два церемониймейстера, один исповедник, избранный голосованием большинством кардиналов; секретарь Священной Коллегии, два врача, один хирург, один аптекарь с одним или двумя помощниками, один плотник, один каменщик, два брадобрея с одним или двумя помощниками; наконец, восемь или десять слугителей для носки дров, уборки и т.д. Все они назначаются тайным голосованием (*per fabas secretas*) кардиналами. Они должны быть взяты из числа слуг кардиналов и оплачиваются Священной Коллегией.

Утром и вечером слуги каждого кардинала приносят ему провизию. Эти припасы заключаются в деревянные сундуки, обычно круглые, на которых нарисованы гербы кардинала. Эти сундуки называют «рогатыми» (*cornues*), из-за сходства их ручек с козьими рогами. Два грума (*parafrenarii*), поставленные один перед другим, несут на плечах сундук с по-

мощью палки, продетой в ручки; их предваряют два оруженосца (*scutiferi*), капелланы, и за ними следует множество родственников и клириков, которые идут торжественно, по двое, с непокрытой головой. Эней Сильвий (Пий II) говорит в своей речи к императору Фридриху III, говоря об этой смехотворной процессии (*dignam risu caeremoniam*), что можно подумать, будто видят проходящие погребальные процессии, и что придворные, которые их сопровождают, дошли до такой степени привычки к лести, что, когда кардинала нет рядом, они льстят его «рогатым» сундукам и воздают им те же почести, что и ему самому. Носильщики останавливаются, наконец, у вертящегося шкафа, помещенного у двери конклава, где священники-стражи тщательно осматривают мясо, пироги, хлеб и вино, которое должно быть в незапечатанных стеклянных флаконах, чтобы удостовериться, что в них нет никаких записок. Затем церемониймейстер, который открыл внутреннюю дверь шкафа, зовет слуг кардинала, чьи припасы принесены, и передает им их.

Согласно Конституции Григория X, если выборы не завершились по истечении трех дней, кардиналы, в течение следующих пяти дней, должны довольствоваться одним блюдом за каждой трапезой; если же, по прошествии этого времени, они еще не пришли к согласию, их ограничивали хлебом, вином и водой. Климент VI (1351) установил для трапез более строгое правило, запретив обедать вдвоем в одной келье и делить свои блюда с другим. Когда отцы едят или ра-

ботають в своих кельях, занавеси должны оставаться открытыми, кроме занавесей кровати, которые закрываются днем.

Каждое утро служатся две мессы: одну – сакристином, это месса текущего дня; другую – капелланом, это особая месса по случаю вакантности престола.

Костюм кардиналов в коллегии состоял из некоего рода черной хламиды (называемой по-латыни *stosea*), ниспадавшей до земли, открытой спереди и лежащей складками вокруг шеи, похожей на каппы прелата, но без капюшона; под этой хламидой они носили фиолетовую мощетту и рочет, но могли либо в своей келье, либо прогуливаясь по залам, носить только эти два последних одеяния. Древний обычай этого костюма кардиналов доказывается свидетельствами Пия II, Бурхарда, Париса де Грассиса и других.

Когда приходит время приступить к выборам, кардиналы, после слушания мессы, остаются одни в капелле и на своих местах. Перед алтарем, говорит А. Патрици в описании этой церемонии после смерти Сикста IV, мы принесли маленький стол, покрытый красным ковром, на который поставили часы, колокольчик, письменный прибор с перьями, тростниковыми перьями (*calamis*) и пачку бумаги. Сакристин, сняв свои священные одежды, положил на середину алтаря пустой потир, с диском сверху, и слуга каждого кардинала поставил перед своим господином скамеечку, образующую пюпитр, письменный прибор, содержащий перо или тростниковое перо, маленькую свечу и лист бумаги, на котором

были написаны имена всех кардиналов, присутствующих на конклаве. В книге I «Комментариев» Пия II мы видим, что в пятнадцатом веке для выборов использовали потир: На алтарь, сказано там, был поставлен золотой потир под охраной трех кардиналов: епископа Родезского, кардинала-священника Руанского и кардинала-диакона Кёльнского; чтобы предотвратить всякий обман, прочие кардиналы, оставляя свои места по порядку достоинства, шли один за другим, чтобы положить в потир записки, на которых они написали имена тех, кого избирали в первосвященники. Когда все это сделали, поставили стол посреди капеллы; три вышеупомянутых кардинала опрокинули потир на этот стол и прочли вслух имена, написанные на записках.

Между тем, сакристины, слуги кардиналов и все прочие, кто находится в конклаве, запираются в капелле келий; лишь церемониймейстеры остаются снаружи у двери капеллы выборов, готовые войти в случае, если их позовут.

К этим подробностям «Римский церемониал» (издание 1516 года) добавляет другие, которые уточняют Церемонии, употреблявшиеся со времени, о котором мы говорим, и по меньшей мере до 1496 года, времени смерти того, кто его составил:

Если для выборов предпочитают путь голосования, надлежит сначала обсудить, будет ли использован после голосования, в случае необходимости, в тот же день, способ доступа (accessus), чтобы завершить выборы. Затем, когда все от-

цы сидят в капелле, декан кардиналов-епископов, с бюллетенем в руке, подходит к алтарю и некоторое время молится, преклонив колени; затем он поднимается и опускает свой бюллетень, поцеловав его, в потир, с которого декан кардиналов-диаконов, стоящий у левой стороны алтаря (где читается Послание), снял дискос. Эти бюллетени, как правило, формулируются так (по-латыни): Я, епископ такой-то... кардинал..., избираю верховным первосвященником... Здесь имя и звание того, кого называют. Можно вписать два или несколько имен, взятых из Коллегии, на один бюллетень; но имя того, кого избрали бы вне Коллегии, должно быть написано на обороте этого бюллетня, который кардинал запечатывает своим кольцом и несет, как мы только что сказали. Так делают они все один за другим. Бюллетени, опущенные в потир, отцы занимают вновь свои места, где у каждого перед ним пюпитр с бумагой, табличками (pugillares) и список присутствующих; затем декан кардиналов-епископов и декан кардиналов-диаконов, неся потир с алтаря на стол, перед которым садится декан кардиналов-священников, становятся справа от него. Затем декан кардиналов-епископов, взяв потир правой рукой и опираясь левой на дискос, который его покрывает, переворачивает его, стараясь, чтобы ничего не выпало, снимает его и ставит на стол; потом, слегка приподняв дискос, он берет двумя пальцами правой руки первый попавшийся бюллетень и, показав его декану кардиналов-священников, передает кардиналу-диакону, который

вскрывает его и читает так, чтобы быть услышанным всеми. Каждый, включая троих, о которых мы только что говорили, делает по мере чтения отметку против имени, которое есть в его списке. Три первых счетчика подсчитывают и объявляют количество голосов. Если голосов недостаточно и нельзя завершить выборы путем доступа, отцы расходятся, не занимаясь этим более до следующего дня.

Доступ состоит в том, чтобы передать свой голос тому или тем, кто получил наибольшее число голосов. Священник встает, говоря: «Ego accedo ad reverendissimum dominum... talem» (Я присоединяюсь к преподобнейшему господину... такому-то), и тотчас те, кто того же мнения, присоединяются к нему. Якопо Гаэтано, автор «XIV римского устава», сообщает нам в главе X, что, когда приходили к согласию, декан диаконов снимал с избранного каппу или хламиду, которую он носил, и облачал его в альбу, если он еще не был в ней, в рочет, в льняную тунику (camisia) и в столу, положенную на оба плеча, если он был священником, и на левое плечо, если он был только диаконом; затем он покрывал его мантией (mantum), говоря: «Я облакаю тебя римским папством, дабы ты повелевал городом и миром». Затем он вручал ему кольцо его предшественников и возлагал на него митру. Эта мантия красного цвета и митра были инсигниями папства. Цензий, камерарий Целестина III в двенадцатом веке, говорит в своем «Римском уставе»: Когда все члены конклава согласны в выборе кардинала, который кажется им наиболее

подходящим, декан диаконов облачает его в красную мантию (*pluviali rubeo ammantal*). «Римский церемониал» выражается так: Декан кардиналов-епископов объявляет его римским первосвященником от имени всей Коллегии и спрашивает его согласия; получив его, все отцы встают и идут принести поздравления новому папе. Затем с него снимают хламиду, маленький капюшон, и ведут его, облаченного только в рочет, до украшенного кресла, которое ставят перед столом, где сидели первые. Ему надевают на палец «Кольцо рыбака» и спрашивают, какое имя он хочет носить. После чего он клянется в сохранении Конституций и подписывает, обычно не читая, подаваемые ему прошения.

В это время первый кардинал-диакон, приказав открыть маленькое замурованное окошко сакристии, откуда его может видеть народ, ожидающий снаружи, восклицает, поднимая крест, который держит в руке: «Я возвещаю вам великую радость; у нас есть папа; преподобнейший кардинал... избран верховным первосвященником, и он принял такое-то имя!»

Сергий IV, избранный в 1009 году, считается, как полагают, первым папой, который сменил имя; первоначально его звали Пьетро Бокка ди Порка (свиное рыло).

Мы видим в книге II, главе LVII «Жизни Фридриха I», прозванного Барбароссой (в продолжении, сделанном Годавиком, этого труда Оттона, епископа Фрайзингенского), что в двенадцатом веке весть об избрании папы не только объяв-

лялась, но что даже народ и духовенство спрашивали об их мнении. При избрании антипапы Виктора IV (1179), одного из четырех соперников, которых этот император выдвинул против Александра III, архивариус (*scriniarius*), поднявшись навверх (*in altum*), согласно древнему обычаю римлян, кричал изо всех сил: «Слушайте, граждане римской республики; наш отец Адриан умер, и в следующую субботу господин наш Октавиан, кардинал Санта-Чечилия, был избран и облечен в папскую мантию под именем Виктора; угодно ли вам это? (*placet vobis?*)». Этот вопрос повторялся трижды, и каждый раз народ и духовенство отвечали: «Угодно (*placet*)». Затем папу проводили обратно во дворец в сопровождении войск и со всеми почестями, подобающими его достоинству. «Церемониал» Бурхарда показывает нам, что этот обычай так провозглашать избрание папы сохранился в пятнадцатом веке при избрании Иннокентия VIII, но лишь один раз и не в форме вопроса. К этим словам, добавляет он, народ, собравшийся во дворе дворца, издал крики и приветствия, колокола зазвонили в полный звон, и стражи дворца непрерывно давали залпы из аркебуз, пока первосвященник не вернулся из церкви во дворец. – После своего избрания, говорит Агостино Патрици, избранный ведется в сакристию; кардиналы-диаконы снимают с него его одежды, которые по древнему обычаю отдают церемониймейстерам, и надевают на него белую шерстяную одежду, красные чулки, красные сандалии, украшенные золотым крестом, красный пояс с зо-

лотыми застежками, красную барретту и белый рочет; затем амикт, альбу, пояс, а также столу, украшенную жемчугом, положенную на шею или на плечо, в зависимости от орде-на, к которому он принадлежит, и без столы, если он только в малых чинах. Подписав прошения, он облачается кардиналами, которые снова надели свои каппы, в красный плащ и золотую митру, украшенную драгоценными камнями; его ставят на алтарь, и все кардиналы совершают перед ним по-клонение и целуют его ноги, правую руку и уста.

Кажется, согласно «XII римскому уставу» Цензия, что в 1188 году папу ставили не на алтарь, а на сиденье, на склад-ной стул (*faldistorio*). «XIV римский устав» (начало четырна-дцатого века) дает нам то же замечание. Только в пятнадца-том веке, при избрании Пия II, мы видим папу сидящим на алтаре. Что касается поклонения, называемого также «адо-рацией», Бурхард говорит, что кардиналы подходили соглас-но своему рангу, начиная с вице-канцлера, и целовали сна-чала правую ногу, затем руку и уста избранного (Иннокен-тия VIII); Парис де Грассис в описании избрания Льва X в 1513 году показывает нам, как они целуют его ногу, голую руку и обе щеки.

Мы должны также упомянуть, вскользь, о странном зло-употреблении, которое долго существовало и о котором упо-минается в книге I «Комментариев» Пия II: Как только из-брание было провозглашено из окна конклава, сообщает он, люди кардиналов разграбили келью нового папы, немного

денег, что у него было, его книги, и подлая городская чернь (in urbe vilissima plebs) не удовольствовалась разграблением дома, но разбила и унесла оттуда мрамор. Он добавляет, что другие кардиналы иногда становились жертвами этих бесчинств, которые повторились, кстати, при избрании того же самого папы: народ, стоявший снаружи, услышав, что избранным является кардинал-епископ Генуэзский, а не Сиенский, чью кафедру занимал Эней Сильвий, побежал грабить дворец первого. Поэтому Мюканций, церемониймейстер папы Урбана VII, сообщает нам в своем «Журнале» 1580 года, что избрание этого папы, хотя и завершено около четырнадцатого часа 15 сентября, не было, однако, опубликовано немедленно, чтобы дать время конклавистам обезопасить имущество своих господ и предотвратить разграбления, происходящие в подобных случаях.

Когда конклав размурован, новый понтифик, предшествуемый крестом и кардиналами, спускается в церковь Святого Петра и там, распростершись, воздает благодарность Богу и святым апостолам. Затем, в драгоценной митре, его помещают на подушку посреди алтаря, и первый кардинал-епископ запекает «Te Deum», который подхватывают все клирики. В это время происходит новое поклонение, и после обычных молитв папа сходит с алтаря, который он почтительно целует, и торжественно дает благословение народу; затем он возвращается в свои покои в том же порядке, в каком вышел, благословляя на своем пути. Кажется доказан-

ным, что понтифики в первые века благословляли, простирая руки или только правую руку; позже это стало делаться крестным знамением с тремя поднятыми пальцами, то есть большим и двумя первыми, безымянный и мизинец при этом согнуты в ладони. Книга «Жизнь пап», приписываемая Литупранду, доказывает (в кн. I, гл. VIII), что так было в девятом веке. Там рассказывается, что папа Стефан VI (896), приказав выкопать для суда над ним папу Формоза, своего предшественника, велел отрубить ему три пальца, которыми он давал благословение народу, и приказал бросить его труп в Тибр – «tribus abccissis digilis, in Tiberim, etc.».

Избранный папа, говорит «Римский церемониал», может быть простым мирянином (*merus laïcus*, как Иоанн XIX); достаточно, чтобы он был христианином и католиком (*dummodo sit christianus et catholicus*). В этом случае он получает малые и большие чины согласно обряду, соблюдаемому для любого неопита, с той разницей, однако, что он носит поверх рочета мантию, откинутую на шею; что он покрыт митрой и что он получает, сидя на своем кресле, инсигнии, а также одеяния чинов, в то время как прочие ординанды носят эти одеяния на левой руке и получают их на коленях. Он может, кроме того, быть возведен во все чины в один день, если ему это угодно.

После пострижения новый папа, облаченный, как мы только что сказали, с амиктом, закрепленным так, чтобы можно было поднять его на голову, подходит к алтарю, про-

стирается там с молитвой, затем совершает исповедание вместе с совершающим посвящение и возвращается на свое место, где, в определенный момент мессы, епископ подносит ему и дает коснуться обеими руками пустого потира и диска, сосудов с вином и водой, тазика и полотенца. Затем он поднимает ему амикт на голову, говоря: «Accipe amictum» – Прими амикт, и т.д. Амикт (от латинского слова *amicire*) – это кусок ткани для покрытия шеи, которую до восьмого века духовные лица, как и миряне, держали открытой. Папа снова надевает митру и получает манипул на левую руку; его вновь открывают и снимают с него плащ, чтобы облачить его в тунику. После чего ему вручают книгу Посланий, что завершает рукоположение в субдиаконы. Первоначально этот чин сообщался одним лишь крестным знаменем, и вероятно, что до двенадцатого века эта церемония останавливалась на подношении священных сосудов и других предметов, необходимых для мессы.

Манипул был тогда маленькой салфеткой (*mappula*), платком, который диакон носил на левой руке и который должен был служить первосвященнику для вытирания лица и носа (*ad tergendum sudorem el narium sordes*). Эту ткань также называли сударием, *sudarium* (ФЕРРАРИУС, «*De re vestiaria*», кн. I). В одиннадцатом веке это был еще платок (ИВО ШАРТРСКИЙ, «*De signific. indum. sacerd.*»); в двенадцатом это был уже только орнамент, кусок ткани (*pannus*, фанбн), шириной около двух дюймов, с крестом на месте крепления и

с бахромой на концах. Рукоположение в диаконы состоит в возложении правой руки на непокрытую голову ординанда и в передаче столы, положенной на левое плечо, одеяния, называемого далматикой, и книги Евангелий. Римляне усвоили это последнее одеяние, которое было у далматов во втором веке, вероятно, в ту эпоху, когда Метелл, прозванный Далматиком, покорил остальную Далмацию. Это была широкая и длинная одежда с очень широкими рукавами, которые доходили только до локтя. Императоры облачались в далматику; она была дарована как честь епископам, и папа Сильвестр I украсил ею диаконов Рима. Эта одежда, ставшая священной, надевалась поверх туники, рукава которой были намного уже. Святой Исидор в седьмом веке говорит, что далматика – это священное одеяние, белое, украшенное полосами пурпура, «*cum clavis ex purpura*» (кн. XIX «Начал», гл. XXVI).

Папа, таким образом в облачении диакона, но без тунциллы, далматики и сандалий, и только с амиктом, альбой и манипулом, идет принять священство: совершающий посвящение, в митре, подходит к нему и возлагает обе руки на его непокрытую голову, не произнося слов. Присутствующие кардиналы-епископы или священники делают то же самое, но с непокрытой головой и с большими знаками уважения. Когда молитвы, указанные в «Понтификале», закончены, прелат отводит столу избранного вперед, крестообразно перекидывает ее на груди, говоря: «*Accipe jugum Domini*» –

Прими иго Господне, и т.д.; затем он облачает его в казулу, удерживаемую сзади на плечах и чья передняя часть свободно ниспадает, и говорит ему: «Прими священническую одежду, дабы она умножила в тебе любовь». Затем он освящает руки ординанда елеем катехуменов, делая большим пальцем на внутренней стороне рук помазание в форме креста, от большого пальца правой руки до указательного левой, и от большого пальца левой до указательного правой, и завершает, распространяя помазание на обе руки; затем он связывает их одну с другой, оборачивает белой тканью, и ордианд держит их прижатыми к полосе ткани, завязанной у его шеи и свисающей как широкое ожерелье. Тогда епископ дает ему власть приносить Божественную жертву, позволяя ему коснуться потира, полного вина, а также дискаса, который его покрывает и на котором находится облатка; он принимает от него жертвоприношение, которое в тринадцатом веке состояло из двух больших хлебов, двух склянок вина (*duas phiolas*) и двух свечей (*duo torticia*), и целует его руку при получении каждой из этих вещей («Церемониал Григория X»). Согласно древнему обычаю, избранный служит мессу вместе с совершающим посвящение, который снова возлагает на него руки и дает ему власть вязать и разрешать, словами: «*Accipe Spiritum Sanctum*», и т.д. Казула, до того удерживаемая на плечах, в этот момент разворачивается епископом, который говорит: «*Stola innocentie induat te Dominus!*» – Да облечет тебя Господь в одежду невинности! Наконец, по окончании

мессы избранный становится посреди алтаря без митры и, имея перед собой крест, дает всем благословение. Затем совершающий посвящение подходит, становится на колени и трижды повторяет ему это пожелание: «Ad multos annos» (на многие годы). Последнее возложение рук не упоминается в древних «Римских уставах» ранее девятого века.

Казула, сохранявшая до шестнадцатого века свою первоначальную форму, была длинной одеждой без рукавов, имевшей сверху лишь отверстие для головы. Ее название происходит от ее просторности, *casula*, можно сказать: маленький дом. Ее также называют планета, потому что, ничто не указывая на перед или зад, она легко поворачивалась, вращалась вокруг шеи. Так как, чтобы действовать, ее поднимали с боков на руки, отсюда возник обычай помогать священнику держать руки на весу, подобрав ее сзади. В Средние века планета была обычной одеждой, и поэтому священник получал ее поверх своих других одеяний как символ милосердия. Иоанн Диакон, написавший пять книг «Жизни святого Григория Великого» (умер в 604), говорит, что облачением этого Отца была планета коричневого цвета, а под планетой – далматика (ФЕРРАРИУС, «De re vestiaria», кн. I). Но, как мы уже говорили, эти одеяния, сходные по форме с теми, что обычно носили, отличались, однако, как священные одежды, либо цветом, либо украшениями. Аббат Саббатье говорит, что казула была белой, испещренной пурпуром, и что часто смешивали это священническое одеяние с дал-

матикой («Словарь для понимания классических авторов»).

Был обычай, чтобы рукоположение в священники происходило в субботу, а посвящение в епископы – на следующий день. Эта церемония публичная и сопровождается большой пышностью. Понтифик, прибыв в церковь Святого Петра, торжественно проводится канониками в капеллу Святого Григория, после того как принял поклонение кардиналов; там, во время пения псалма, его обувают в чулки и сандалии. В первые времена чулки епископов были небесно-голубого цвета, «*coloris caerulei, sive caelestis*» (Г. ДЮРАН, «*Rationale divin, officior.*», кн. III); но чулки верховного римского первосвященника всегда были из красного сукна, так же как и его сандалии. Его облачают в альбу, шнурок, пояс, пектораль, манипул, столу, тунициллу; и он получает последовательно перчатки, казулу и митру, но не паллий и кольцо, которые он получит в свое время. Затем, окруженный всеми кардиналами – епископами, священниками, диаконами, и прочими прелатами, каждый в облачении своего достоинства, он подходит к главному алтарю, предшествуемый папским крестом, который сопровождают семь факелов и кадило, благословляя по обычаю (*ut moris est*), и совершает исповедание. Когда оно окончено, он садится, в митре, в кресло, приготовленное для него между алтарем и ступенями папского трона; затем начинается месса.

Между тем епископ Остии, которого древнейшие традиции показывают обладателем привилегии посвящать еписко-

па Рима, надев чулки и сандалии в подходящем месте у алтаря и облачившись во все понтификальные одеяния с простой или драгоценной митрой, в зависимости от требований времени, приближается, так же как и кардиналы-архиепископы, епископы и священники, чтобы дать епископское посвящение избранному, который, при содействии двух диаконов, распростерт на своем кресле; все делают то же самое, на своих местах; те, у кого их нет, на ковре, держа свои книги и сохраняя голову несколько приподнятой (*erecta aliquantulum facie*). Когда литания, пропетая капелланом, окончена, все поднимаются, и епископ Остии, сопровождаемый справа и слева епископами Альбано и Порто, открывает книгу Евангелий, кладет ее, переплетом наружу, за шею ординанда, и два кардинала-диакона удерживают ее там до конца посвящения; тогда совершающий посвящение молча возлагает правую руку («Церемониал» 1516 года говорит обе руки) на непокрытую голову папы, что все присутствующие епископы делают в свою очередь.

Обряд возложения Евангелия предписан вторым канонем четвертого Карфагенского собора 388 года. В те отдаленные времена книгу открывали наугад, и священный текст, который оказывался на первой странице, толковали как предзнаменование для того, кто получал рукоположение. (Э. МАРТЕН, «*De antiq. Eccles. rit.*»)

Когда Евангелие так положено, диакон оборачивает голову избранного полосой белой ткани, завязанной сзади, и кон-

цы которой спадают на шею. Эта предосторожность принята для того, чтобы елей не касался волос; совершающий посвящение, в митре, обмакивает большой палец правой руки в святое миро и совершает помазание головы в форме креста на тонзуре, произнося положенные слова; затем, после молитвы, он продолжает помазание на руках, которые папа держит прижатыми друг к другу на полосе ткани, как при рукоположении в священники. Ему не вручают пастырский посох, как другим епископам, но совершающий посвящение благословляет и надевает ему на безымянный палец правой руки драгоценное кольцо. Затем, с помощью ассистирующих епископов, он снимает с плеч папы книгу Евангелий и подносит ему ее, говоря: «Accipe Evangelium», и т.д.; после чего верховный первосвященник оmyвает свои руки хлебным мякишем и водой, и кардинал-диакон очищает ему голову также хлебным мякишем, причесывает волосы гребнем из слоновой кости и снова надевает митру.

Папа, облаченный затем в паллий, восходит на свое место и принимает поцелуй уста и ноги от всех кардиналов и прелатов. Месса продолжается до чтения оффертория, после которого епископ, совершающий посвящение, получает от избранного две зажженные свечи, два белых хлеба и две амфоры, полные вина. Этот обряд один из самых древних, ибо он указан в «Уставе» папы Мельхиада 311 года, и о нем также упоминается в «Понтификале» Майнца, написанном за сто пятьдесят лет до того. Епископ при получении каж-

дого предмета целует руку избранного. Папа завершает мессу вместе с совершающим посвящение, и, когда она окончена, он становится посреди алтаря без перчаток и без митры, имея перед собой папский крест, и дает благословение. Затем он снова надевает митру и идет сесть на свое место. Тогда совершающий посвящение, сделав три коленопреклонения, обращается к нему с тем же пожеланием, что и при священстве: «Ad multos annos».

Если избранный уже епископ, его не посвящают заново, но лишь благословляют в воскресенье, одновременно с коронацией. В этот день он отправляется ранним утром в гардеробную (*paramenti*), где его облачают в амикт, длинную альбу, пояс, столу, красный плащ и драгоценную митру. Его окружают кардиналы, а также все прелаты и официальные лица в своих шерстяных каппах. Понтифик, так облаченный, направляется к церкви Святого Петра, предшествуемый крестом. Кардиналы держат по обе стороны края плаща, чью полу должен нести самый знатный присутствующий, будь то император или король, если папа идет пешком. Над папой несут балдахин, поддерживаемый восемью дворянами или депутатами (*octo nobiles sive oratores*), и впереди два сержанта оружия (*servientes armorum*) несут кресло с большой подушкой; третий несет ковер, подушку и маленькую подножную скамью.

Когда папа прибывает к последней двери дворца, возле портика Святого Петра, он садится, чтобы принять целова-

ние ноги от каноников базилики. Затем он подходит до второго круга из порфира, вделанного в пол церкви, простирается на своем кресле и там молится с непокрытой головой. Оттуда его переносят в капеллу Святого Григория, где он занимает место на своем троне, окруженный иностранными послами и знатными особами. Кардиналы в красных каппах подходят целовать ему руку под галуном (*sub auriphregio porrectam*), а прочие прелаты – правую ногу. Святой Отец затем дает свое благословение. Один из субдиаконов идет к алтарю принять от сакристина чулки и сандалии, которые он несет почтительно, держа их поднятыми; затем, с помощью тайного камерария, он обувает папу, который снимает свои красные облачения, чтобы надеть белые. Все кардиналы и прелаты также меняют облачения на того же цвета, и процессия отправляется к главному алтарю, ведомая первым кардиналом-диаконом, который несет в знак командования маленькую белую палочку, называемую фэрулой. Церемониймейстер предшествует папе и держит в руке два тростника: на конце одного – пакля; к другому прикреплен зажженный фитиль. При отправлении он поворачивается к папе, делает коленопреклонение и зажигает паклю, говоря громким голосом: «*Pater sancte sic transit gloria mundi*» – Святой Отец, так проходит слава мира сего; что повторяется трижды на пути.

Этот обряд восходит ко времени избрания Александра V (1409), как свидетельствует Люк д'Ашери в томе VI своего «Спицилегия».

Папа, совершив исповедание, покрывается митрой и садится в кресло, приготовленное между тронном и алтарем. Тогда епископы Альбано, Порто и Остии подходят и произносят каждый по молитве, начиная с младшего. Затем папа открывает голову, восходит к алтарю, и первый диакон, взяв паллий с алтаря, облачает им понтифика и прикрепляет его спереди, сзади и с левого бока тремя золотыми булавками с головками, украшенными гиацинтами, говоря: «*Assire pallium*», и т.д. Так облаченный, папа служит мессу, во время которой Послание и Евангелие поются по-латыни и по-гречески. (Цензий, «Рим. уст.» XII. – 12-й век, Целестин III и др.) После мессы папа в великолепном облачении переносится на трибуну, построенную над ступенями церкви; весь народ выходит и затопляет площадь; диакон слева снимает митру с головы святого Отца, которого диакон, стоящий справа, венчает тиарой или *regnum*, при повторяемых возгласах «*Kyrie eleison*». Два ассистирующих диакона объявляют на латыни и на народном языке полные индульгенции, и папа удаляется, чтобы принять пищу, пока готовится процессия, которая должна направиться в Латеран.

Считается, что первая коронация папы восходит к Николаю I (858); по крайней мере, отец Паджи не помнил, чтобы читал о том, что эта церемония происходила до избрания этого понтифика. Однако, по словам отца Мабильона, который ссылается на «IX римский устав», папы после своего посвящения получали головной убор, называемый *regnum*, ко-

торый был головным убором из белой ткани в форме шлема (*ad similitudinem cassidis, ex albo indumento*). Этот «Римский устав» написан во времена Льва III, в конце восьмого века. (МАБИЛЬОН, «*Museum Italicum*», т. II.) Анонимный автор рукописи Ватикана, цитируемый Баронием, говорит, что Александр III, избранный в 1159 году, после получения посвящения как верховный первосвященник был, согласно обычаю Церкви, коронован *regnum'*ом, то есть круглой митрой, заостряющейся кверху (*turbinata*) и окруженной короной. Эта митра и есть тиара, к которой Бонифаций VIII (1294) добавил вторую корону, а Урбан V (1362) – третью. Таким образом, художники, изображавшие пап в трехъярусной тиаре до этой последней эпохи, допустили анахронизм.

Все прелаты верхом. Конь папы белый, высокой породы, и покрыт, только на задней части, алой попоной (*magnum equum phaleratum, etc.*); чтобы сесть на него, как и чтобы сойти, понтифик пользуется подножной скамьей, покрытой красным сукном, и в это время император, король или присутствующий принц должен держать стремя и таким образом вести несколько мгновений коня под уздцы. Если папа в носилках, император, король или присутствующий принц также должен приложить руку к носилкам, как бы неся их некоторое время. Каталани в своих «Комментариях» цитирует автора «Жизни Стефана III», который говорит, что этот папа был пронесен на плечах своих людей в Латеранскую базилику, откуда пошел обычай в нескольких торжествах но-

сить таким образом папу. Этот обычай, следовательно, датировался бы 768 годом.

Маршал двора, который ездит вокруг папы, имеет два мешка с монетами на передней части седла, и он время от времени бросает несколько монет народу, чтобы разогнать толпу, которая теснится на его пути. («Рим. церем.»)

В углу замка Святого Ангела евреи Рима преподносят на коленях закон Моисея и восхваляют его на еврейском языке, увещевая папу уважать его. Папа отвечает им, что уважает его, но не одобряет и осуждает их способ его толкования. Евреи удаляются, и кортеж продолжает свой путь.

Бурхард в описании коронации Иннокентия VIII говорит, что это происходило прежде (задолго до 1484 года – см. Цензий), когда прибывали к горе Иордана (*ad montem Jordanum*), но так как народ набрасывался на евреев и преследовал их, те получили разрешение укрыться от этих оскорблений, находясь на стене замка Святого Ангела, на углу близ дороги.

Когда понтифик прибывает к портику Сан-Джованни-ин-Латерано, первый каноник подает ему крест для целования; кардинал-диакон принимает его и подносит к устам папы, с которого он снял тиару, отданную нести аудитору. Папа, надев митру, проводится канониками перед главную дверь церкви, к мраморному сиденью, помещенному слева. Он скорее полулежит, чем сидит на нем; тотчас кардиналы подходят и почтительно поднимают его, говоря: «*Suscitat de pulvere egenum et de stercore erigit pauperem*» – Он поднима-

ет бедного из праха и возвышает нищего из грязи, и т.д. Название «навозного кресла» (*chaise stercoraire*), по-видимому, было вульгарно дано этому сиденью из-за слова «*stercore*» в антифоне.

Понтифик, поднимаясь, берет из кошелька, который подает ему стоящий рядом камерарий, столько монет, сколько может удержать в руке, но среди которых нет ни золотых, ни серебряных. Он бросает их народу, говоря: «Не имею ни золота, ни серебра; что имею, то даю вам». Затем он входит в церковь, проходя по мосту, построенному специально от двери до главного алтаря и достаточно высокому, чтобы папа мог быть свободен от толпы. Помолившись перед этим алтарем и благословив народ, он садится на трон, куда каноники Сан-Джованни приходят целовать ему ногу. Затем он направляется во дворец Латеран по тому же мосту, продолженному до выхода из церкви. Прибыв в зал, называемый Соборным, он садится в кресло, поставленное перед каменным столом, называемым *mensura Christi*, и там поют хвалебные песни. После этой церемонии папа идет в капеллу Святого Сильвестра. Перед дверью этой капеллы есть два продырявленных порфиновых кресла (это древние кресла римских терм, согласно Мабильону, Паджи и различным археологам); папа садится в первое, и приор Латерана подходит преклонить колени и подносит ему фэрулу, символ исправления и правления, а также ключи от церкви и дворца, чтобы обозначить власть, которую он имеет затворять и отвер-

зять, вязать и разрешать. Затем папа садится на второе кресло, и там он возвращает канонику фэрулу и ключи. Тот опоясывает его красным шелковым поясом, к которому привешен кошелек из той же ткани и цвета, в котором двенадцать печатей из драгоценных камней и мускус. Тогда понтифик принимает от своего камерария горсть серебряных монет и бросает их народу, говоря: «*Dispersit, dedit pauperibus*» – Он раздал, отдал бедным, и т.д. Затем папа идет помолиться в церковь Святого Лаврентия, называемую *Sancta-Sanctorum*; потом его возвращают в капеллу Святого Сильвестра. Он снимает митру, перчатки, паллий, планету и, надев плащ и простую митру, садится на трон, перед которым кардиналы подходят и глубоко склоняются, подставляя свою раскрытую митру, в которую верховный понтифик бросает две золотые и две серебряные монеты; затем дает им поцеловать свою руку. Прочие прелаты делают коленопреклонение, получают в раскрытую митру одну золотую и одну серебряную монету и целуют правое колено папы. Те, кто не являются ни архиепископами, ни епископами, получают деньги в руку и целуют ноги Его Святейшества. Эти дары назывались *presbyteria*, потому что делались только священникам.

Папа после этой церемонии обычно давал большой пир во дворце Латеран как для кардиналов, так и для прочих прелатов и великих особ; он присутствовал на нем на возвышенном месте, в митре и в своем облачении. Золотые и серебряные сосуды покрывали столы, и ничто не могло сравнить-

ся с великолепием этого пира. Двенадцать кардиналов затем провожали понтифика в его покои, где он отдыхал; потом кортеж отправлялся в обратный путь, освещаемый сияющими огнями иллюминаций.

Консистория – это совет папы, который он созывает, когда ему угодно, и обычно, после своего вступления, чтобы поблагодарить Священную Коллегию. Папа проводит консисторию, чтобы принимать государей и послов, предлагать канонизацию какого-либо святого, создание новых кардиналов и, наконец, рассматривать все важные дела. Это первый трибунал Рима. Когда папа отправляется проводить публичную консисторию, он надевает драгоценную митру, а также амикт, пояс, альбу, столу, красный плащ и идет, предшествуемый крестом и кардиналами. Он садится на трон о трех ступенях, покрытых алым, и сиденье которого, как и балдахин, из золотой парчи. Это собрание происходит в большом зале апостольского дворца. Архиепископы, епископы и все прелаты размещаются на ступенях трона, и вместе с ними, на последней ступени, субдиаконы, аудиторы, клирики палаты и аколиты, все в своих шерстяных каппах. Церковные чиновники папского двора (*curiales togati*) садятся на землю, на подушки, между креслами кардиналов; камерарии и секретари, в своих капюшонах, также садятся среди них на самом полу зала. Племянники папы, если они есть, и принцы, которые могут там находиться, стоят по двум сторонам трона: справа находятся послы и главные дворяне, между ступеня-

ми и стеной; слева – прочие дворяне и чиновники папского дома. Адвокаты консистории размещаются позади кардиналов-диаконов, и прокуроры принцев, вместе с фискальным прокурором, позади епископов. Стража папы занимает проход, ведущий к трону; магистр священного дворца стоит перед стражами, на конце ряда кардиналов-священников; клирики церемоний – во главе ряда диаконов.

Когда консистория происходит только по судебным делам, адвокат-докладчик стоит позади кардиналов-священников, напротив папы: он излагает дело и бросает свою просьбу (*in terram proicit*) в сторону церковных чиновников, которые берут ее и передают вице-канцлеру. Если адвокат защиты хочет ответить, он может. Наконец, когда консистория окончена, понтифик, поддерживаемый двумя старейшими кардиналами-диаконами, встает и возвращается в том же порядке, в каком пришел.

Тайная консистория проводится в какой-либо отдаленной комнате дворца. Понтификальный трон не имеет балдахина и ступеней; у него только большая и маленькая подножные скамьи. Сиденье, однако, покрыто золотой парчой; но скамьи кардиналов просто выкрашены в красный цвет с гербами папы. Если речь идет о возведении в кардиналы или прелаты, папа идет на консисторию в плаще (*paludatus*) и митре. При других делах у него только рочет и маленький капюшон. Когда обсуждаются дела, все выходят, кроме кардиналов. Понтифик делает свои предложения, и каждый встает по очере-

ди, чтобы выразить свое мнение. Папа решает согласно мнению большинства присутствующих кардиналов.

Слово «кардинал», которое означает: первый, главный, по-видимому, происходит от латинского «cardo», что значит: дверной крюк, стержень, на который опирается и вокруг которого вращается нечто; отсюда употребление этого слова в переносном смысле. Кардиналами вначале называли настоятелей главных приходов Рима, субурбикарных епископов, суффраганов римского патриархата: их число увеличилось за счет титулярных диаконов, которые были капеллами при госпиталях, обслуживаемых диаконами; затем за счет священников, приписанных к простым ораториям: отсюда произошли титулы кардиналов-епископов и кардиналов-диаконов или священников (ТОМАССЕН, «Discipline eccl.», ч. III, кн. II). В нескольких местах были настоятели, которым в определенных обстоятельствах давали титул кардинала; так, настоятели Анжера, ассистирующие своему епископу на торжествах, именовали себя кардиналами. В первые времена кардиналы имели ранг после епископов; но они вернули свое превосходство над ними в одиннадцатом веке. Их число менялось до 1586 года, когда Сикст V установил его в семьдесят, разделенных на три ордена, а именно: шесть кардиналов-епископов, пятьдесят кардиналов-священников и четырнадцать кардиналов-диаконов. Иннокентий IV в 1245 году дал им красную шляпу, а Бонифаций VIII в 1294 году – пурпур. Павел II в 1464 году постановил, что в церемониях,

где они появляются верхом, каждый из них будет ехать на белом коне, уздечка которого будет позолочена.

Хотя папе принадлежало право возводить в достоинство кардинала, когда он того хотел, тех, кого считал достойными, тем не менее, обычай был, чтобы он предлагал их возведение в Четыре Времени Поста и чтобы подчинял его согласию большинства Священной Коллегии. В более древние времена это возведение объявлялось и возвещалось народу чтецом с амвона или хор; это была настоящая публикация, чтобы если кто-либо имел возражения против этого, он изложил бы их причины.

Мы не можем лучше сделать, чем привести здесь дословный перевод отрывка из любопытного журнала Иоганна Бурхарда, церемониймейстера капеллы папы Александра VI, чтобы описать возведение в кардиналы в пятнадцатом веке.

В пятницу 16 января (1495 года) папу перенесли из замка Святого Ангела в апостольский дворец. Король (Карл VIII), узнав о его прибытии, вышел ему навстречу до края второго тайного сада: как только он увидел святого Отца, он остановился, на расстоянии около двух саженей от Его Святейшества, и дважды подряд преклонил колена, чего папа сделал вид, что не заметил. Король приближался, чтобы сделать третье коленопреклонение, когда папа открыл голову, подошел к нему и, не давая ему снова преклонить колени, обнял его. Оба остались с непокрытой головой. Таким образом, король не поцеловал ни ноги, ни руки Его Святейшества. Па-

па отказался покрыться раньше короля; наконец они покрылись вместе, папа приложив руку к шляпе короля, чтобы заставить его надеть ее. Как только король был принят папой, как мы только что сказали, он просил Его Святейшество возвести в кардиналы епископа Сен-Мало – Гийома Брисонне, первого министра Карла VIII и его советника —. Папа согласился и дал мне приказание для этого достать ему облачение и шляпу кардинала; кардинал Валентин одолжил облачение, и шляпу принесли из дворца преподобнейшего кардинала Санта-Анастасии. Король, полагая, что церемонию следует провести немедленно, спросил меня, где и как она состоится. Я ответил, что это будет в комнате Папагалло, куда папа без промедления повел короля, подав ему руку. Прежде чем войти туда, святой Отец сделал вид, что лишается чувств; однако, войдя, он сел на низкий стул, который был поставлен перед окном: король был рядом с ним на скамеечке, но папа велел немедленно принести ему стул, подобный своему. Тогда, как я настоятельно представил святому Отцу, что не подобает проводить подобную церемонию таким образом, он занял место на консисторском кресле, которое я велел принести, согласно правилу. Он прежде снял свою красную шапочку и камаль и надел белую шапочку и белый камаль, и накинул богатую столу. Справа от папы принесли кресло, где сел король, и перед этим принцем и позади него были расставлены по кругу кресла, где сели кардиналы, как на консистории. Папа не хотел садиться раньше короля и знаком

пригласил его сесть первым. Затем преподобнейший кардинал Неаполитанский занял место справа от папы, у стены, на скамеечке, как обычно сидит кардинал-диакон, который находится справа от папы, когда ассистирует ему в его капелле. Прочие кардиналы заняли свои места согласно порядку консистории, после него или немного впереди. Таким образом, король был не на одной линии с кардиналами, а перед ними или скорее среди них. Когда все сели, папа сказал, что все кардиналы ранее выразили ему желание видеть возведенным в достоинство кардинала святой Римской церкви преподобнейшего епископа Сен-Мало, о чем его настоятельно просила королевское величество, здесь присутствующее, и что он готов это сделать, если кардиналы согласны. Тогда преподобнейший кардинал Неаполитанский и после него все кардиналы ответили единогласно, что не только одобряют это назначение, но и просят Его Святейшество принять во внимание в этом доброе желание короля. Вследствие этого я велел прийти упомянутому господину епископу Сен-Мало, который тотчас снял свою мантию, камаль и черную шапочку; затем, будучи облачен в каппу, он преклонил колени перед папой, который, открыв голову, создал его кардиналом по обычной формуле: «Auctoritate Dei omnipotentis», и т.д., и утвердил его во владении церковью Сен-Мало, а также монастырями и бенефициями, которыми он уже пользовался. Епископ поцеловал ногу и руку папы, который поднял его, чтобы обнять; тогда епископ снова преклонил колени

перед папой, и святой Отец возложил ему на голову красную шляпу, произнося слова мудреца. Затем епископ Сен-Мало возблагодарил Его Святейшество, которое велело ему благодарить короля, к ногам которого он простерся, забыв свой сан епископа и новое достоинство кардинала. Наконец он поднялся и обнял всех кардиналов. Епископ Сен-Мало, сняв мантию, камердинеры Якопо де Казанова и Франческо Алабаньо присвоили ее без всякого права и без моего ведома; что же касается камалы и шапочки, они остались в моих руках. Затем папа поднялся и выразил желание проводить короля до его покоев; но король, не желая этого допустить, был проведен всеми кардиналами. Первые двери дворца и все подступы были поручены шотландской гвардии, которая, неся эту службу при принце, впускала только французов и очень немногих из наших.

Чтобы кардинал не умер без принятия таинств, врачи, как только признавали опасность смерти, должны были, под страхом отлучения, прекратить свои попечения о нем после третьего визита и продолжать их только при предъявлении записки его исповедника, удостоверяющей, что больной исполнил свои религиозные обязанности. Церемонии, происходившие при смерти кардиналов, отличаются от тех, что следуют за смертью папы, лишь меньшей пышностью; поэтому мы поговорим только о последних. Как только папа умирает, кардиналы приходят один за другим навестить его, и каждый удаляется, дав ему разрешительную молитву.

По окончании этой церемонии умершего переносят в другую комнату: его бреют; тело моют теплым белым вином и ароматами, затем бальзамируют. Пенитенциарии облачают его в его обычные одежды до рочета, а затем в понтификальные одежды красного цвета с простой митрой. Надо, говорит Амелий, чтобы камерарий, ухаживающий за папой в его последние мгновения, хорошо позаботился о том, чтобы положить все, что ему принадлежало, в надежное место и уберечь от жадности слуг. В самом деле, Бурхард сообщает, что, как только тело Сикста IV было перенесено из комнаты, где этот папа умер, в ту, где его должны были мыть и бальзамировать, в одно мгновение – *unico momento, ut ita dicam* – всё было унесено, до такой степени, что не могли найти никакого сосуда, чтобы налить туда ароматизированное вино, которым должны были мыть тело, ни полотенца, ни белой рубашки; что, наконец, брадобрей Андреас был вынужден одолжить таз из своей лавки, и что, так как не хватало ткани, чтобы обтереть тело, пришлось разорвать надвое рубашку, которую покойный носил, и оставить ему штаны, в которых он умер, за невозможностью их сменить.

Тело помещают на носилки, покрытые золотой парчой с гербами папы и Церкви; под головой – подушка из той же ткани, и еще две подушки у ног, с двумя понтификальными шляпами.

Если папа умер ночью, пенитенциарии бодрствуют и поют псалмы рядом с умершим, в комнате Папагалло, где он по-

коится. В назначенный час апостольский субдиакон в фиолетовой каппе приходит с крестом, в сопровождении певчих капеллы, забрать тело, которое пенитенциарии несут в большую капеллу. Оруженосцы папы и люди его дома следуют со свечами. Монахи конгрегаций и монастырей сменяют друг друга, чтобы петь вечерню по усопшим и дать разрешительную молитву; затем папа выставляется в течение двух или трех дней в церкви Святого Петра, чтобы народ мог посетить его и поцеловать руку. По прошествии этого времени его помещают ночью в гроб, который ставят под катафалк, называемый *castrum doloris*, по обе стороны которого два грума размахивают опахалами, словно чтобы отгонять мух, даже зимой – «*videantur abigere muscas, etiam sit tempens hyemale*», говорит «Церемониал». Похороны папы длятся девять дней, в течение которых раздаются щедрые милостыни камерарием и казначеем апостольской палаты. В первый день служат двести месс. Торжественную мессу поет первый из кардиналов-епископов; там слышат надгробное слово об умершем, и эта церемония завершается разрешительной молитвой. Во время девятидневного поминовения служат только по сто месс в день; но только в первый и последний день церковь и катафалк освещены. Каждый день после мессы кардиналы собираются в подходящем месте, чтобы заняться выбором папы. Девятидневное поминовение, учрежденное Григорием X для похорон понтификов, не всегда соблюдалось, ибо похороны Мартина IV, умершего в 1285 году, длились всего

три дня.

Папа после своего возвышения и при канонизации святого обычно даровал юбилей. Это полная индульгенция, получаемая верующими при условии определенных благочестивых практик. Этот особый юбилей был независим от регулярных юбилеев, которые происходили в определенные сроки, но интервал между которыми несколько раз менялся. Происхождение юбилея восходит к Моисею. В главе XXV Книги Левит сказано: «Отсчитай себе семь субботних лет, семь раз по семь лет, чтобы было у тебя в семи субботних годах сорок девять лет. Затем воструби в шофар в седьмой месяц, в десятый день месяца, в День Искупления; вострубите в шофар по всей земле вашей. И освятите пятидесятый год, и объявите свободу на земле всем жителям ее; да будет это у вас юбилейным годом». (Лев. 25:8-10).

Таким образом, слово «юбилей» произошло бы от еврейского «йовель», что означает «баран». Древние французские стихи напоминают о еврейской этимологии названия, данного святому году:

Jobel, Bélier, l'an jubilé,

Le cinquantième est appelé;

Car, pour l'annoncer, la trompette

De sa corne seule était faite. (Йовель, Баран, год юбилейный, Пятидесятым называется; Ибо, чтобы возвестить его, труба Из его одного рога была сделана.)

Сроки юбилеев до тринадцатого века совершенно утеря-

ны: что кажется достоверным, так это то, что в 1300 году в Рим стекалось огромное число паломников, которые приходили посетить там гробницы Апостолов, и что Бонифаций VIII, узнав из уст столетнего старца, что в 1200 году было подобное стечение, постановил буллой, что юбилей будет происходить в начале каждого столетия, и что те, кто, исповедовавшись и причастившись, посетят святые гробницы, получат полную индульгенцию. Климент VI сократил юбилейный период до пятидесяти лет; Урбан VI в 1389 году – до тридцати трех; Павел II – до двадцати пяти.

Бонифаций VIII назначил в качестве станционных церквей базилику Святого Петра в Ватикане и ту, что у стен Святого Павла, на Остийской дороге; Климент VI добавил к ним Сан-Джованни-ин-Латерано; Григорий XI – Санта-Мария-Маджоре.

Самые великие особы отправлялись в паломничество в Рим, чтобы принять участие в станциях юбилея. На том, что в 1300 году, видели прибытие Карла Валуа, брата Филиппа Красивого; Карла Мартелла, короля Венгрии; на том, что в 1475 году, – Фердинанда, короля Неаполя; Кристиана I, короля Дании и Норвегии; Шарлотту, королеву Кипра; Екатерину, королеву Боснии; Иоанна, герцога Саксонского; на том, что в 1575 году, – Торквато Тассо и святого архиепископа Миланского Карло Борromeо, который, следуя примеру, данному Николаем V и несколькими кардиналами, отправился босым посетить церкви. Этот юбилей

представил зрелище великолепной процессии, изображающей триумф Церкви, чья колесница предшествовалась и сопровождалась кающимися ниневитянами, Пророками, Апостолами, Евангелистами, Учителями. Тот, что в 1600 году, имел почти похожую процессию: там изображали таинства Ветхого Завета, жертвоприношение Авраама, лестницу Иакова, Иудифь, несущую голову Олоферна, помимо аллегорических персонажей предыдущего юбилея. Эти процессии состояли из огромной толпы участников. Число лиц обоего пола, следовавших за процессией в день праздника Святого Розария того же 1600 года, доходит до пятидесяти тысяч. Надо было быть в Риме, чтобы получить полную индульгенцию. Чтобы дать представление о стечении паломников, стекавшихся туда, скажем, что насчитывали до двенадцатисот тысяч на юбилее 1550 года; но в конце шестнадцатого века понтифики, освободив верующих от посещения столицы христианского мира, распространив милость юбилея на все католические страны и требуя для паломничества только станции в церквях, назначенных ординариями мест, значительно сократили число паломников в Риме.

В Риме приближение юбилея возвещалось аудитором Роты после Евангелия торжественной мессы в день Вознесения, предшествовавшего открытию этого святого года, чей церемониал впервые учредил Александр VI. На вечерне в канун Рождества папа, облаченный в плащ и увенчанный митрой, прибывает, несомый на седжиа джестаториа, до вести-

бюля Святого Петра. Он сопровождается Священной Коллегией и держит свечу, как и все кардиналы. Там он посылает легатов а *latere*, чтобы пойти открыть святые двери других базилик; затем, приблизившись к последней из пяти дверей, справа, замурованной с истечения года прошлого юбилея, он поет антифон «*Aperite portas*» и т.д. и наносит три удара серебряным молотком по этой кладке, которую рабочие спешат полностью разобрать и обломки которой народ оспаривает. Папа тогда, с крестом в правой руке и свечой в другой, первым входит в церковь через эту дверь, и поют «*Te Deum*». Закрывание святой двери происходит с тем же церемониалом на вечерне Рождества следующего года: папа трижды берет немного раствора серебряной лопаткой, намазывает его на порог и покрывает тремя камнями, добавляя к ним несколько медалей.

Паломничества были очень распространены в Средние века. Как пример рвения, которое питали к этим благочестивым путешествиям, аббат Флери сообщает, со слов свидетельства святого Павлина, что можно было насчитать более двадцати городов или провинций Италии, жители которых приходили каждый год большими толпами, с женами и детьми, на праздник Святого Феликса, 14 января, несмотря на суровость времени года, и это ради одного исповедника, в городе Нола: «Можно судить, продолжает он, что это должно было быть в Риме на праздниках Святого Ипполита, Святого Лаврентия, Апостолов Петра и Павла; туда приходили изда-

лека и во всякое время».

Самыми знаменитыми паломничествами были паломничества в Святую Землю, посещение гробниц Апостолов, путешествие в Лорето, к Святому Дому Богородицы, и в Сантьяго-де-Компостела. «Как только Церковь обрела мир, – говорит отец Лебрен, – стали совершать много процессий, чтобы идти к гробницам мучеников, чтобы переносить их мощи, чтобы побуждать верующих собираться вместе в дни поста, в места станций, и там просить особых милостей». Эти братства часто смешивали в своих процессиях представления мистерий и благочестивых фарсов, которые вскоре выродились в распущенность и самые чудовищные злоупотребления. Достаточно упомянуть процессию, совершавшуюся в Нивеле на следующий день после Пятидесятницы в честь святой Гертруды, покровительницы города, процессию, где молодая девушка, сидящая на заду за всадником, играла роль святой, в то время как перед ней юноша, исполнявший роль дьявола, делал тысячу прыжков и тысячу ужимок, чтобы попытаться своими шутовскими жестами рассмешить мнимую святую, которая со своей стороны старалась сохранять степенность, подобавшую ее характеру; – процессию в Куртрэ в Страстную пятницу, где бедняк получал двадцать пять ливров от города, чтобы изображать страдания Спасителя, и подвергался не только ношению по улицам тяжелого креста, но и реальным ударам и мучениям, которые ему причиняли шесть капуцинов с одной стороны и

шесть реколлектов с другой, исполнявших обязанности палачей; – процессию в Брюсселе, где происходило подобное представление, а также имитация распятия в церкви августинцев; – процессию в Венеции в тот же день; – процессию Дисциплинариев и праздника Тела Господня в Испании, где с религиозными церемониями сочетались самые шутовские и непристойные пантомимы; – процессию Розария в Венеции, изобретение которой приписывается доминиканцам. Но нам не нужно описывать эти смехотворные маскарады, которые не входят в число Церковных церемоний и никогда не должны были с ними смешиваться.

Процессия Вербного воскресенья, которая происходит в воскресенье перед праздником Пасхи в воспоминание вхождения Иисуса Христа в Иерусалим, была в употреблении на Востоке с давних пор, когда около шестого или седьмого века она была также принята Латинской церковью. Это воскресенье получило различные названия: одни давали ему имя «Осанна» в память о приветствиях народа Иерусалимского; другие – название «воскресенье Индульгенций», из-за индульгенций, которые Церковь раздавала по случаю этого великого праздника. Его также называли «Пасхой оглашенных», потому что в этот день оглашенные все вместе шли просить (*competere*) крещения, которое совершалось в следующую субботу, и слышать Символ веры, согласно предписанию Агдского собора 506 года – «*ut Symbolum ante octo dies Paschoe competentibus prædicetur, Can. XIII*»; или

же «днем вымытых голов» (*capitalivium*), потому что обычай тогда был, говорит святой Исидор, а после него Алкуин, мыть головы детей, которые должны были получить помазание; наконец, Амаларий и другие писатели дают ему название дня Ветвей пальмовых. На этой процессии, во времена Алкуина (восьмой век), два священника в альбах торжественно несли на своего рода носилках, богато украшенных и окруженных пальмовыми ветвями, священный текст Евангелия. Согласно статутам Ланфранка, архиепископа Кентерберийского в одиннадцатом веке, там же следовало нести и Тело Христово. Английский хронист Матфей Парис в «Жизни аббатов монастыря Святого Албана» описывает сосуд или ларец, изящно изготовленный аббатом Симоном и предназначенный содержать гостию в процессии Вербного воскресенья. Эта процессия направлялась к какой-либо церкви или месту станции, и там, после чтения Евангелия, благословляли и раздавали ветви. Обычай заключался в том, что пепел, употребляемый для церемонии первой среды Великого поста, происходил от этих сожженных ветвей.

Роберт, епископ Льежский, считал, что было бы очень уместно праздновать установление Евхаристии более торжественно, чем можно было сделать в Великий четверг, поскольку Церковь занята в этот день примирением кающихся и несколькими другими функциями, которые мешают ей почитать исключительно это таинство: он постановил статутом 1249 года, что каждый год праздник Тела Христова бу-

дет праздноваться в четверг после недели Пятидесятницы, и он составил службу этого праздника, которую Урбан IV в 1262 году распространил на всю христианскую ойкумену. Город Анже, где Беренгар Турский, архидиакон, в начале одиннадцатого века опубликовал свои заблуждения против таинств Евхаристии и пресуществления, счел за честь отличиться среди всех церквей и протестовать против этой ереси великолепием процессии Вербного воскресенья.

Процессия, называемая «Большие Литании», созданная Пелагием II, обязана своим происхождением чуме, опустошившей Рим в 589 году после наводнения; это та самая чума, диагностические симптомы которой проявлялись в виде серии чиханий: отсюда пошел обычай говорить тому, кто чихает: «Бог благословит вас!». Пелагий сам стал жертвой эпидемии вместе с семьюдесятью людьми посреди процессии, которую он приказал провести, чтобы умиловить гнев Божий. Святой Григорий Великий, преемник этого папы, постановил, что подобная церемония будет возобновляться каждый год 25 апреля. Кажется, что в некоторых епархиях место станции было весьма удалено, и что после мессы верующие совершали скромную трапезу из яиц и постных яств, которые они позаботились запасти; затем возвращались в приходскую церковь.

Святой Мамерт, архиепископ Вьеннский в Дофине, учредил в своей епархии в 474 году процессию Рогаций – названную впоследствии Малыми Литаниями, чтобы отличить ее

от той, о которой мы только что говорили, – чтобы благодарить Бога за избавление этой страны от бедствий, которые ее опустошали, и свирепых зверей, которые там совершали ужасные опустошения. Она совершалась в течение трех дней, предшествующих Вознесению, и была предписана по всей Франции в 511 году Орлеанским собором; но в Риме обычай начался только около конца восьмого века при папе Льве III. Впереди этой процессии несли, говорит Гийом Дюран в своем «*Rationale divinorum officiorum*», огромного змея или дракона, деревянного или картонного, раскрашенного, который в течение первых двух дней имел пасть открытой, но закрывал ее на третий день, как знак поражения, и в этот раз дракон шел уже позади процессии. В Руане так проносили двух больших змей, называемых народом Гаргуйлями. То же было в Париже, Лане, Провене и во многих других городах. Иногда вкладывали ракеты в пасть и глаза этих чудовищ; несчастные случаи, происходившие от этого, способствовали, еще больше, чем запреты епископской власти, отказу от употребления фейерверков в этих процессиях.

Что касается праздников или церковных праздничных дней, которые давали повод к Церковным церемониям, их число было значительным в Средние века. Майнцский собор 813 года повелел праздновать следующие: Пасха и вся неделя, Вознесение, Пятидесятница и вся неделя, Святых Петра и Павла, Иоанна Крестителя, Успение, Освящение церкви, Святого Михаила, Святого Ремигия, Святого Мартина, Свя-

того Андрея, Рождество и четыре следующих дня, Обрезание, Богоявление, Сретение и годовщины всех святых, чьи мощи имеются. Мы ограничимся рассказом о праздниках, которые представляли некоторые особенности. Прежде все великие праздники назывались Пасхами; праздник Воскресения был Великой Пасхой, и также говорили Пасха Рождества, Богоявления, Вознесения, Пятидесятницы. К празднованию Великой Пасхи готовились, очищая тело омовениями, как символ заботы, которую следовало проявлять об очищении души от всякой скверны; стригли волосы и бороду в знак отсечения пороков и совлечения ветхого человека, согласно выражениям Гийома Дюрана в его «Rationale».

Этот праздник давал повод в некоторых церквях к представлениям персонажами самого таинства Воскресения. Шли процессией к изображенной гробнице в скале; там находили трех женщин и нескольких мужчин в костюмах, исполнявших роли трех Марий и учеников Иоанна и Петра, а также ангелов, которые беседовали с ними. Все актеры возвращались с процессией, и запевали «Te Deum». Сьер де Молеон в своих «Литургических путешествиях» говорит о подобном сценическом представлении, которое также совершалось в день Пасхи в соборе Орлеана: «Ничего не упускали, – говорит он; – были даже солдаты, которые стерегли гробницу и которые завершали всю церемонию, ломая свои копья о третью скамью рядом с господином кантором, и ходили по всей церкви с обнаженными мечами; после чего суб-

декан начинал «Te Deum»; в этот день несли два креста на процессиях, как мессы, так и вечерни». Древняя рукопись церкви Сен-Бенуа-сюр-Луар передает нам аналогичную мистерию, со словами и ролью, назначенными каждому из персонажей этой религиозной драмы.

Процессия, предшествующая мессе в четверг Вознесения, в воспоминание шествия учеников Спасителя к горе, откуда он вознесся на небо в их присутствии, древнейшая. В течение нескольких веков происходила подобная процессия каждый четверг года, с той же целью. Паломники стекались толпами, чтобы присутствовать на праздновании этого праздника в церкви, которую святая Елена, мать Константина, велела построить в начале четвертого века на самом месте, где совершилось таинство, и чтобы поклониться отпечатку стоп Иисуса Христа, остававшемуся запечатленным в камне, на который он их поставил.

Пятидесятница, или Пасха роз (Pasqua rosata), считавшаяся Евсевием величайшим из всех праздников, представляла в Средние века то же смешение драматического и религиозного. На мессе этого дня, во время «Veni sancte Spiritus», во многих церквях внезапно трубили в трубы, чтобы подражать великому шуму, который услышали апостолы, когда Святой Дух сошел на них; и, чтобы продолжить имитацию таинства, языки пламени падали с высоты свода и гасли над верующими; или же это был дождь из красных розовых лепестков, и выпускали голубей, символов Святого Духа, которые порха-

ли по церкви.

Сходятся во мнении, что апостолы начали приносить жертву мессы (missa) только со дня Пятидесятницы, когда обещания (promissa) Иисуса Христа оказались полностью исполненными.

Название мессы, которое означает по-латыни отпуск, отправление, было дано святым таинствам потому, что в начале, в момент их совершения, оставались только верные, тогда как оглашенных отпускали, как выражается святой Августин: «Post sermonem fit missa catechumenis, manebunt fideles» (После проповеди оглашенным объявляется отпуск, остаются верные). Жильбер Женебрар в своем «Трактате о Литургии» так описывает порядок мессы, согласно обычаю и форме апостолов и их ученика святого Дионисия, апостола французов:

МИСТЕРИЯ СИНАКСИСА (СОБРАНИЯ)

Месса оглашенных, или первая часть мессы.

Иерарх, завершив свою божественную молитву у святого алтаря, начинает кадить его и, продолжая это действие, проходит все вокруг святого места.

Возвратившись к святому алтарю, он начинает снова петь псалмы, и весь церковный чин поет с ним священные стихи.

Затем служители по порядку читают некоторые уроки из Священного Писания.

И сделав это, оглашенные, вместе с одержимыми и мучимыми злыми духами и с теми, кто совершает публичное по-

кающие, выставляются из святого места; остаются там только те, кто достоин присутствовать и участвовать в божественной жертве.

Месса верных, или же вторая часть мессы.

Кроме того, некоторые служители стоят у запертых дверей, другие исполняют какую-либо особую обязанность, и определенные служители, избранные со священниками, представляют на священнейшем алтаре священный хлеб и чашу благословения, предварив их в форме исповедания Кафолическим Гимном и Славословием.

После этого божественный иерарх, завершив свою священную молитву, возвещает святой мир всем. Все взаимно приветствовав друг друга, читают мистическое поминовение святых скрижалей. Затем иерарх и его священники, оmyв свои руки, он помещается посреди святого алтаря.

Впрочем, только избранные служители окружают его со священниками и понтификом; после того как с гимнами и песнопениями почтили и прославили божественные дары или приношения, он освящает священнейшие и преславнейшие таинства, представляя взору присутствующих и показывая божественные дары, сокрытые под благоговеиными знаками и видами, после того как прежде прославил их гимнами и славословиями.

Затем он готовится и располагает к священному причащению и принятию оных и приглашает других принять их.

Наконец, приняв и раздав божественное причастие, он

воздаёт благодарение Богу и кладёт конец таинствам. (Изд. 1592, стр. 85, гл. XIII.)

Как только что было видно, на первой части мессы, называемой мессой оглашенных, то есть тех, кого наставляли в вере перед тем, как дать им крещение, допускались одержимые или энергиумены и кающиеся. После пения Евангелия или после проповеди, если таковая была, диакон громко говорил: «Пусть оглашенные, одержимые и кающиеся выйдут с миром!».

Было четыре класса кающихся: класс плачущих, которые стояли у двери церкви, не имея возможности переступить ее порог, и были вынуждены просить молитв входящих верующих; класс слушающих, которым позволяли войти в часть церкви, называемую *нáрфекс* или *фэрула*, нечто вроде темного притвора между внешней дверью и нефом, чтобы слушать там чтение священных книг и наставления; кающихся распростертых, над которыми творили молитвы с возложением рук; наконец, четвертый класс был класс стоящих, которые имели право оставаться в церкви в течение всей службы, но не могли приносить свои пожертвования, как другие.

Эти пожертвования, которые в первоначальной Церкви верующие имели обычай приносить каждый день, состояли из хлеба и вина. Их представляли в начале второй части мессы, после чтения Евангелия и Символа веры. Капитулярии королей Франции повелевают ходить на приношение по крайней мере каждое воскресенье. Второй Маконский собор

585 года предписывает мужчинам и женщинам приходить на него по крайней мере каждое воскресенье и приносить хлеб и вино. Святой Кесарий приглашал верующих являться на приношение, особенно когда причащались, и говорил им, что христианин должен краснеть, причащаясь хлебом, который принес бы другой.

До восьмого или девятого века для мессы употребляли безразлично квасной или пресный хлеб; но с тех пор это употребление более не дозволялось в Римской церкви, хотя Восточная церковь сохранила его; и хлеб приношения служил лишь для раздачи народу как символ причастия и получил название евлогии или благословенного хлеба.

Эти пожертвования приносили на белых скатертях или полотенцах; присутствующие приходили первыми и останавливались у дверей хора; затем приходили священники и диаконы: они приносили только хлеб и подходили прямо к алтарю; женщины не покидали своих мест, и священники обходили церковь, принимая их приношения.

Эти хлебы были круглой формы; Севир Александрийский называет их кругами; святой Григорий – венками; другие называли их колесами. Священник не освящал все эти приношения: он откладывал в запас для клириков и бедных все, что не было необходимо для причастия.

Приношение хлеба и вина, представленное со свечой, сохранилось для погребений во многих епархиях.

Алтарь венчался куполом, называемым киворием, под-

держиваемым четырьмя колоннами, между которыми были занавеси, которые закрывали во время канона мессы, чтобы скрыть святые таинства; полая голубка из золота или серебра, где хранили Евхаристию для больных, висела посреди кивория. В целях безопасности Церковь заменила голубок дарохранительницами; первый, о котором упоминает история, – тот, что Феликс, епископ Буржский, велел сделать из золота и который имел форму башни. По окончании освящения субдиакон открывал занавеси и показывал народу слугителя алтаря. После молитвы Господней диакон предупреждал верующих приготовиться к причастию, в то время как совершающий службу преломлял облатки, которые священники затем раздавали. Принимали причастие рукой и причащались сами. (ГРИГОРИЙ ТУРСКИЙ.) Но, начиная с шестого века, женщинам предписали принимать его на белое покрывало, называемое доминикалом, и пользоваться этим покрывалом, чтобы подносить его ко рту. (ФЛЕРИ, «Церк. ист.») В 880 году Руанский собор изменил этот обычай, повелев, чтобы верные более не причащались иначе как из рук священников. (ГРАНКОЛА, «Древняя литургия», т. II.)

Причастию всегда предшествовал лобзание мира. Мужчины обнимались между собой; женщины – между собой. Этот обычай встречается еще в тринадцатом веке. (КЛ. ДЕ ВЕР, «Церк. церем.» – О. ЛЕБРЕН, «Объяснение церемоний мессы».) После раздачи евхаристического хлеба приходили диаконы, несущие потир, чтобы дать вид вина, который

всасывали с помощью золотой трубочки, называемой «*fistula rugilaris*». Потиры обычно были с двумя ручками и большой вместимости; несколько их одновременно пускали по кругу во все части церкви. Они служили также для принятия вина приношения, которое каждый приносил в маленьких сосудах, называемых латинянами *amulæ*. По свидетельству святого Григория Турского, в главных церквях был особый потир для причастия князей, которые не принимали его, как другие верные, с помощью трубочки. («Ист. франков», кн. III, гл. XXXI.)

Легко понять, что были серебряные диски весом в тридцать фунтов, как говорит Анастасий, если вспомнить время, когда причастие давалось в форме преломленного хлеба; эти диски имели две ручки и их носили в двух руках, чтобы подавать верующим: они назывались служебными дисками. Большие потиры, о которых мы только что говорили, также получали это наименование.

Время испытания оглашенных, готовившихся принять крещение, не было ограничено; оно зависело от степени их наставления; и часто они сами, по совестливости, откладывали свое внесение в список избранных, то есть тех, кто после строгого испытания должен был наконец быть допущен к ближайшему совершению этого таинства. Так, святой Августин долго откладывал свое крещение; святой Мартин, ставший оглашенным в десять лет, был крещен только в восемнадцать; святой Амвросий еще не был крещен, когда был из-

бран епископом Милана, и Константин получил крещение в Никомидии незадолго до своей смерти.

За исключением случаев необходимости, крещение совершалось только два раза в год: в Великую субботу и в канун Пятидесятницы. От этой древней дисциплины осталось только освящение крещальной воды в эти два дня, а также молитва, читаемая на мессе за новокрещеных. Эти сроки торжественного крещения, однако, умножились, но только около двенадцатого или тринадцатого века обычай крестить во всякое время стал общим.

Крещению предшествовали *scrutinii* (испытания). Обычно было семь испытаний: то есть семь дней, посвященных испытанию тех, кто просил о крещении, и даче им последних наставлений; тогда их имена помещали в диптихи, чтобы читать их в поминовении вместе с именами восприемников и восприемниц, которых они себе выбрали. Мальчика представлял восприемник; ребенка другого пола – восприемница. Согласно первому «Римскому уставу», около третьего часа дня оглашенные отправлялись процессией в церковь, чтобы подвергнуться последнему испытанию. Они стояли в ряд, мальчики справа и девочки слева. Священник делал всем знак креста на лбу большим пальцем, возлагал руку на голову, произнося над каждым из них слова: «*Nec te latet Satan*» (Да не скроется от тебя, сатана), и вкладывал им в рот соль, которую он благословил в их присутствии. Святой Августин упоминает об этом последнем обряде, о кото-

ром не говорит I «Римский устав». Затем священник касался слюной их ноздрей и ушей, говоря: «Epheta» (Отверзись). Следовала молитва экзорцизма; затем помазание на груди и плечах елеем оглашенных, спрашивая каждого, отрекается ли он от сатаны и его ангелов. Священник тогда, снова возлагая руку, читал над каждым из них также слова Символа веры, и архидиакон отпускал всех до тех пор, пока не наступит час крещения. Когда этот час наступал, избранные вновь входили в церковь процессией, останавливались на расстоянии от баптистерия, затем подходили по одному, ведомые восприемниками или восприемницами, в зависимости от пола. Эти баптистерии находились в нижней части церкви, чаще всего слева. Крещальные купели представляли собой чаны, наполненные водой, подогретой в зависимости от требований сезона или климата. Эти чаны, углубленные в землю, возвышались над уровнем почвы примерно на полтора фута. Для двух полов были отдельные чаны, разделенные занавесями. Избранный снимал одежды и входил в воду с помощью своих восприемников или восприемниц; священник, чтобы придать этому погружению форму креста, наклонял голову избранного с востока на запад и с севера на юг, говоря: «Я крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа». В некоторых епархиях избранный совершал три последовательных погружения, пока священник произносил тайносовершительные слова.

Неофит затем выходил из чана, поддерживаемый свои-

ми восприемниками или восприемницами (susceptores): те представляли его священнику, который давал ему помазание святым миром, возливая на голову святое масло, которое стекало до почек. Это помазание вытирали и покрывали голову крещеного крещальной пеленой (galea); затем облачали его в белую одежду, которую он носил в течение восьми дней: снимал ее только на восьмой. Это то, что дало первому воскресенью после Пасхи название «In albis depositis» (О снятии белых одежд).

Новокрещенные, так облаченные в свои белые одежды, подходили по рядам к хору, и им давали вкусить молока и меда, чтобы обозначить, говорит аббат Флери, вступление в истинную землю обетованную и духовное младенчество, ибо это была первая пища отнятых от груди детей. Наконец, они присутствовали на мессе верных, со свечой в руке, и там впервые причащались. После мессы епископ давал им конфирмацию, возлагая на них руки, и омывал им ноги, по примеру Иисуса Христа, церемонию, воспоминание о которой Церковь возобновляет в Великий четверг.

В первые века Церкви крестили почти исключительно взрослых; поэтому обязанности, которые диаконы не могли прилично исполнять при женщинах, выполнялись диакониссами. Это были вдовы или девы, посвященные служению Церкви особым благословением. Эти благочестивые женщины заботились о бедных и больных и посещали узников. На религиозных собраниях они были поставлены у дверей со

стороны женщин и имели поручение следить за поддержанием порядка. В одиннадцатом веке, при папе Иоанне XIX, еще рукополагали диаконисс в Западной церкви.

Церковь как можно меньше изменила свою древнюю литургию; однако семь таинств, которые мы сейчас рассмотрим в каноническом порядке, как их располагает «Катехизис Тридентского собора», прежде сопровождалась определенными Церемониями, которые вышли из употребления в силу естественного изменения нравов.

1) Крещение совершалось тремя способами: погружением, как только что было видно; обливанием, как совершил его святой Петр над тремя тысячами человек, которые с первой его проповеди уверовали в Иисуса Христа; окроплением, как его совершают в наше время.

2) Миропомазание (Конфирмация) совершалось непосредственно после Крещения, по той причине, что в первые века крестили только взрослых, наставляемых во время оглашения и подготовленных к принятию двух таинств; но с той эпохи, когда стали крестить только новорожденных, миропомазание пришлось отложить до времени, когда они достигнут возраста разума.

3) Евхаристия преподавалась под именем причастия верным в добром здравии и под именем виатикума больным в опасности смерти.

4) Покаяние, употребление которого было предписано раз в год Четвертым Латеранским собором, всегда имело це-

лью разрешение: «Есть покаяние, – говорит Ориген, – когда грешник не стыдится открыть свой грех священнику Господню и просить у него лекарства». – Это слово означает, таким образом, помимо исповедания вины, само лекарство, которым грешник искупает эту вину. Мы говорили о четырех классах публичных кающихся; мы должны сказать, как налагалось на них это покаяние и как происходило их примирение с Церковью. Кающиеся представлялись епископу, покрытые власяницей, босые и с лицом, склоненным к земле. Сам епископ, расprostертый и проливающий слезы, говорит 63-й канон Агдского собора, выражая таким образом отеческий дух Церкви, должен петь с клиром семь покаянных псалмов, чтобы получить их разрешение. После чтения стихов и коллект благословляли пепел, который рассыпали на головы кающихся; которых окропляли святой водой и изгоняли из священной ограды, чьи двери затворялись перед ними. В подражание этим публичным кающимся верные и поныне являются в церковь в первую среду Великого поста, чтобы получить пепел на лоб.

Отлучение провозглашалось при свете свечи, которую затем гасили и топтали ногами. В некоторых странах народ имел обычай нести гроб перед дверью того, кто только что был отлучен; бросали камни в его дом, изрыгая против него поток оскорблений. Что касается торжественного отлучения, предаваемого папой в силу буллы, называемой «*In сена Domini*», против всех тех, кто призывал бы ко вселенскому

собору против декретов и предписаний пап, против князей и других, которые требовали бы с духовных лиц некоторые неправомерные поборы, против еретиков, пиратов, фальсификаторов апостольских писем и т.д., и т.д., это отлучение происходило только в Великий четверг. Кардинал-диакон слоджии Ватикана читал буллу в присутствии папы, который в знак анафемы бросал на площадь зажженный желтый восковой факел. Эту буллу и этот церемониал приписывают Мартину V (1417). Галликанская церковь в 1510 году объявила, что не принимает эту буллу, и ее публикация была полностью приостановлена Климентом XIV в восемнадцатом веке.

В конце Великого поста, также в Великий четверг, происходило примирение кающихся, чтобы они могли участвовать в святых таинствах праздника Пасхи. Епископ сидел у двери церкви, и кающиеся ожидали под портиком, пока архидиакон не попросит об их возвращении в благодать. Епископ тогда молился за них, затем призывал их к себе, и все распростирались у его ног. Они затем поднимались, и настоятели вели их за руку к архидиакону, чтобы быть представленными епископу, который возвращал их в лоно Церкви (*Ecclesiae gremio*).

Когда священное место претерпевало какую-либо профанацию – как церковь Кентербери из-за убийства Томаса Бекета в 1172 году, которая была размощена, лишена всех украшений, ее украшавших, и оставалась почти год под ин-

тердиктом, – его примирение совершалось с самым внушительным обстановкой. Епископ посреди пения псалмов скорби окроплял снаружи и внутри стены церкви святой водой, смешанной с солью, пеплом и вином. Эта вода носит название Григорианской, что возводит ее происхождение к концу шестого века. Наконец, после смиренной молитвы, умоляя Господа возвратить этим оскверненным местам их первоначальную чистоту, возобновляли песнопение торжества и прославления, которое следовало за мессой и торжественным благословением.

5) Соборование, которое совершалось в тех же случаях необходимости, что и виатикум, прежде давалось до этого последнего таинства. Материей соборования является елей больных. Видно, согласно древним ритуалам, что место и число помазаний сильно варьировались. В целом делали эти помазания на лбу, на плечах и на местах, где болел больной. «Римский ритуал» указывает семь помазаний: на глаза, ноздри, рот, уши, руки, ноги, почки; другие – пятнадцать. Согласно «Руанскому ритуалу» 1640 года, прежде чем совершить таинство, следовало положить пепел крестом на грудь больного и затем изобразить крест на этом пепле, произнося те же слова, что и в первый день Великого поста: «Memento, homo, quia pulvis es», и т.д. Наконец, другие ритуалы предписывали укладывать больного на самый пепел и класть ему его на рот и грудь.

6) Священство. Мы подробно говорили о больших чинах;

Церковь насчитывает четыре малых чина, которые она сообщает постриженным клирикам: это чины привратника, чтеца, заклинателя и аколита. Видно, что для получения власти заклинять не обязательно было быть в священных чинах. Но эта власть не должна была осуществляться без разрешения епископа. Форма экзорцизма одержимых, к которому так часто прибегали в Средние века, всегда была молитва, окропление святой водой и заклинение, обращенное к демону, чтобы он вышел из тела, которым он обладал. Когда экзорцизм совершался через служение священника, тот был облачен в суперпеллиций и фиолетовую столу, концы которой он возлагал на шею энергиумена, делая ему знаки креста на лбу и на груди.

Посвящение аббатов и аббатис, хотя и совершавшееся с большой обстановкой, не считалось рукоположением, а лишь благословением. Епископ, дав аббату причастие под видом хлеба, благословлял его, возлагал митру на голову и вручал ему перчатки с положенными молитвами. Аббатский посох и кольцо были вручены ему перед офферторием.

Это Александр II, избранный папой в 1061 году, первым предоставил привилегию митры аббатам в пользу Эгельсина, аббата монастыря Святого Августина близ Кентербери. Некоторые аббатисы также имели право на посох: они получали его от епископа, а также пастырский крест и кольцо. Согласно постановлению Климента IV, аббаты должны были носить на синодах и соборах только митру, отделанную галу-

ном, без жемчуга, драгоценных камней, золотых или серебряных пластин. На собраниях епископы носили драгоценную митру, то есть украшенную жемчугом и драгоценными камнями.

7) Наконец, Брак, чей церемониал впрочем мало изменился, прежде совершался у дверей церкви. В девятом веке в Западной церкви и особенно в Италии священник возлагал на головы супругов венцы, сделанные в форме башни (*turritoe*), которые затем хранились близ алтаря. Древние галлы обручались посредством солида и денария – «*per solidum et denarium*»: серебряная монета, которую священник еще благословляет на брачных мессах, является воспоминанием этого обычая.

Господин аббат Паскаль, которому мы обязаны многими интересными материалами, предоставит нам еще один любопытный документ, относящийся к Браку. Согласно «Ритуалу» провинции Реймса, напечатанному в 1585 году, когда жених подносит брачное кольцо своей жене, он сначала надевает его ей на большой и указательный пальцы, говоря: «Этим кольцом я вступаю с вами в брак»; затем он касается кольцом среднего пальца, и когда надевает его на четвертый палец, добавляет: «И телом моим я чту вас». В более древней рукописи той же церкви жених говорит следующие стихи, надевая кольцо последовательно на каждый палец, от большого до безымянного:

Par cet anel, l'Église enjoint

Que nos deux cueurs en un soient joints

Par vray amour et loyale foy:

Pour tant je le mets en ce doy.

(Этим кольцом Церковь повелевает, Чтобы сердца наши воедино сочетались Истинной любовью и верной верой: Поэтому я надеваю его на сей палец.)

Таково краткое изложение Церковных и литургических церемоний Средних веков и эпохи Возрождения.

ЦЕРЕМОНИАЛ, ЭТИКЕТ.

В Средние века общество делилось на три больших класса: духовенство, дворянство, третье сословие. Каждый из этих классов, образуя особое сословие в государстве и ведя особый образ жизни, проявлял в коллективном выражении своего бытия особый характер и особые формы. Поэтому мы, изучая церемониал той эпохи, последуем естественному делению, которое только что было упомянуто.

I. ЦЕРЕМОНИАЛ ЦЕРКВИ.

Церковные церемонии, то есть обряды религиозного культа, с древних времен составляли существенную часть сакрального знания. Под заголовками **ЛИТУРГИЯ, ЦЕРКОВНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ** они образуют предмет двух специальных глав настоящего труда, к которым мы и отсылаем читателя. Однако нам надлежит зафиксировать здесь некоторые сведения, относящиеся к определенным торжествам, главными действующими лицами которых хотя и были представители духовного сословия, но характер которых, тем не менее, был далеко не чисто церковным. Это обозначение применимо, например, к пышности и церемониям, сопровождавшим радостное вступление в должность многих прелатов, являвшихся в своих епархиях одновременно и светскими, и духовными владыками.

Известно, что, согласно экзегезе теологов, восточная

брачная песнь, встречающаяся в Ветхом Завете и носящая название Песни Соломона или Песни Песней, представляет под мистическим покровом Церковь в лице Суламифи и Главу Церкви, которого царь-поэт называет Возлюбленным. В Новом Завете Церковь не раз получает от Откровения наименования невесты и тому подобные. Эти образы, очевидно, оказали в Средние века заметное влияние на символику некоторых церемоний, которые совершались при всеобщем обозрении между высшими служителями священства и общиной верующих. Таково было, особенно в Италии, вступление во владение множества архиепископов и епископов. 17 января 1519 года, по сообщению историка Пистойи Микеланджело Сальви, Антонио Пуччи, недавно избранный епископом этого города, совершил туда свой торжественный въезд посреди блестящей свиты и несметного стечения зрителей. Прибыв, по обычаю, в женское аббатство, называемое Сан-Пьер-Маджоре, он сошел с лошади и вошел в церковь, которая была украшена своими богатейшими убранствами. Помолившись там, он направился к стене, отделявшей церковь от аббатства и в которой был проделан пролом. Там было приготовлено ложе большой ценности. Он сочетался браком с аббатисой и оставил у нее на пальце очень красивый и роскошный перстень. Сделав это, он отправился в собор, где после других церемоний добрые вассалы ввели его во владение его епископством. Во Флоренции, когда архиепископ въезжал туда впервые, он также направлялся в женское аб-

батство, посвященное первому наместнику Иисуса Христа, и там также сочетался браком с аббатисой Сан-Пьетро. Для этой цели рядом с главным алтарем воздвигалась большая эстрада, увенчанная богатым балдахином. Прелат помещался посреди монахинь; затем ему приносили золотое кольцо, которое он надевал на палец аббатисы, чью руку поддерживал один из старших членов приходского духовенства; затем он проводил ночь в монастыре, где для него была предназначена комната и куда его вводила аббатиса; а на следующий день в соборе приступали к его интронизации. Подобные формы соблюдались при вступлении в должность архиепископа Милана; епископов Бергамо, Модены и т. д. Всем известна эта часть ритуала, относящаяся к коронации пап, согласно которой верховный понтифик в великой пышности, с помощью своего рода паланкина, несомого на плечах определенного числа служителей, торжественно провозится. Поллюш, автор трактата об интронизации епископов Орлеана, возводит происхождение ношения пап на руках к Стефану II, который при своем избрании в 752 году велел нести себя на плечах народа до храма Константина.

Эти различные символические акты, которые все восходят к глубокой древности, рано проникли во Францию по случаю вступления епископов в должность; и пребывание пап в Авиньоне, без сомнения, способствовало поддержанию у нас вкуса к этим южным пышностям. Первый въезд архиепископов Руана, Тура, Бордо; епископов Парижа, Ор-

леана, Клермона, Отена, Нанта, Кемпера, Ренна, Леона, Сен-Бриё и т. д. соединял, с некоторыми изменчивыми особенностями, различные обстоятельства, практиковавшиеся в Италии. В очень большом числе епархий епископ в день своего прибытия останавливался на станции, чаще всего расположенной вне пределов его епископального города, и проводил там ночь, как бы чтобы совершить там, по примеру рыцарей, нечто вроде ночного бдения над оружием. Архиепископ Бордо накануне своего радостного вступления отправлялся за городские стены, в церковь Святой Евлалии, и предварительно присягал соблюдать привилегии этой коллегиальной церкви. В хоре этой церкви до сих пор можно видеть кафедру из резного камня, удивительной работы, которая свидетельствует об этом древнем обычае; это монументальное сиденье датируется XV веком, и на нем особенно заметна его архиепископская митра, служащая украшением: именно там сидел прелат, когда приходил совершать эту церемонию. Такими местами остановки для епископов Парижа было аббатство Сент-Женевьев; для епископов Клермона – монастырь Сен-Аллир и т. д. На следующий день четыре сеньора, вассалы епископства, являлись поднять прелата, несли его на своих плечах до его кафедрального собора и исполняли при нем те же обязанности, что и высшие офицеры короны при королевской особе. В архиепископстве Тура этими четырьмя сеньорами были сиры Амбуаза, Ла-Ая, Прёйи и Сент-Мора. Первый служил сенешалем или дапифером;

второй – виночерпием; третий – хлебодаром; а четвертый – оруженосцем. Эти же вассалы, в силу этих должностей, носили также титул баронов посоха, христианских баронов или первых баронов христианства – последнее слово прежде означало епархию. Сеньоры Монморанси, исполнявшие при епископе Парижа вышеупомянутые функции, извлекали оттуда древний смысл, который напоминает известный девиз этой семьи: *Dieu aide au premier baron chrétien* («Да поможет Бог первому христианскому барону»). Семейства Таллейран и Бурдей пользовались в Перигоре теми же прерогативами и носили подобные наименования. В Орлеане и других местах епископ имел привилегию торжественно освобождать всех заключенных, содержащихся в тюрьмах уголовного правосудия. Но, возможно, ни один из этих обычаев не представляет для наблюдателя более примечательных и странных особенностей, чем те, которыми отличалось радостное вступление епископов Труа. Когда новый титуляр приходил вступить во владение этой кафедрой, он направлялся с пышностью и публично, но облаченный лишь в камай (наплечную накидку) и верхом на муле или парадном коне, в аббатство Нотр-Дам-о-Ноннен, древний женский монастырь, первоначально расположенный у одних из ворот и вне города. Достигнув ограды аббатства, то есть границ владений аббатисы, он встречал ее, которая представала, чтобы принять его, во главе всех своих монахинь. Тотчас прелат спешивался; сержант аббатства забирал его верховое животное, отводил его

оседланным в аббатскую конюшню, и парадный конь оставался там как собственность аббатисы. Сделав это, последняя, в присутствии всего народа, брала епископа за руку и вводила его в свой монастырь. Там епископ входил в капитул, преклонял колени, читал молитву, которую ему указывала аббатиса; затем, сняв свой камай, он получал из ее рук роскошную плащ-накидку (шап); аббатиса вручала ему посох, возлагала ему на голову митру и, подавая великолепный текст Евангелий, украшенный чернью и резным серебром, который хранится ныне в Городской публичной библиотеке Труа, заставляла его громко произнести, а затем передать письменно клятву, содержание которой, записанное на латыни на первом листе этой драгоценной рукописи, таково: «Я, такой-то, епископ Труа, клянусь соблюдать права, вольности, свободы и привилегии сего монастыря Нотр-Дам-о-Ноннен. Да поможет мне так Бог и сии святые Евангелия!» Затем епископ поднимался и давал народу свое благословение. После этих формальностей аббатиса снимала с него его епископские регалии, и, когда остальная часть собрания удалась, она вела его в помещение, приготовленное для его приема, где он должен был найти приют. Епископ проводил там ночь, и кровать, на которой он спал, со всем убранством принадлежала ему. На следующий день четыре барона епископства Труа, а именно: сеньоры де Сен-Жюст, де Мариньи, де Пуссе и де Мери-сюр-Сен, приходили поднять прелата и несли его на своих плечах до кафедрального собора, где и

совершались другие церемонии вступления во владение.

Эти совершенно необыкновенные привилегии были знаком превосходства и своего рода духовной власти, которую аббатисы Нотр-Дам присваивали себе в течение всего Средневековья по отношению к их собственному епископу. Согласно местному преданию, подкрепленному весьма древними текстами, происхождение этого странного верховенства восходит к самому введению Веры в эту область. Аббатиса Нотр-Дам-о-Ноннен была изначально главой светских канонисс, следы которых в истории прослеживаются вплоть до 650 года. Она была коллатором (лицом, имеющим право представления к занятию церковной должности) нескольких приходов города, владелицей огромной территории, и даже той, на которой возвышалось епископство; наконец, считалось, что она унаследовала права коллегии весталок, учрежденной в этом месте еще во времена язычества. Высокий авторитет и прерогативы, которыми пользовались в Мобёже аббатиса и благородный капитул канонисс Сент-Альдегонды, представляют другой пример, заслуживающий того, чтобы быть сопоставленным с первым. Все эти женские привилегии весьма вероятно имели своей первоначальной причиной участие, которое в первые века женщины принимали, под именем диаконисс, в церковных функциях.

II. ЦЕРЕМОНИАЛ ДВОРЯНСТВА.

Мы собираемся изобразить здесь, объединив под этим общим заголовком, главные церемонии, относящиеся к жизни

высших классов общества Средневековья, от коронации государей до аналогичных, но менее важных актов, которые касались лиц, принадлежащих к низшим ступеням дворянской иерархии. Один из наиболее интересных памятников, дошедших до нас от античности, *Notitia utriusque imperii*, составленный в конце IV века, в царствование Феодосия, знакомит нас с рангами, полномочиями и знаками отличия многочисленных чиновников, которые управляли на Востоке и на Западе под властью императоров. Когда германцы, и в особенности франки, сумели заменить свое господство господством римского народа, эти почти дикие народы и вожди-варвары, стоявшие во главе их под титулом королей, по необходимости заимствовали у побежденных более или менее утонченные понятия, которые предполагает Церемониал. Возведение избранного вождя или *König* на щит, торжественное получение оружия и фрамеи (копья) в лоне племени – таковы, в самом деле, единственные следы публичных церемоний, которые можно констатировать у германцев. Дивный порядок, величественное зрелище политической иерархии Римской империи, особенно в ее внешней пышности, должны были сильно поразить воображение этих грубых людей. И вот мы видим, как франкские короли тотчас после победы становятся наивными и более или менее неумелыми подражателями той цивилизации, которую они сокрушили. Хлодвиг, вернувшись в Тур в 507 году после победы над Аларихом, получил в этом городе титул патриция

и консула, который ему пожаловал император Анастасий. С тех пор, по свидетельству историков, он украсил себя знаками суверенитета, принятыми у императоров, такими как пурпур, хламида и диадема. Тот же дух подражания распространился на внутренний и внешний церемониал дворов, по мере того как он развивался при королевской особе. Карл Великий, ища с гениальной проницательностью у почти иссякших источников италийской цивилизации то, что должно было украсить и оживить христианскую монархию, установил вокруг себя регулярный порядок для общего и частного управления своей империей и для регулирования внутренней дисциплины своих дворцов. Различные фрагменты, сохранившиеся на эту тему историками его царствования, внушают духу определенное представление о величии и великолепии, соединенном с представлением об авторитете и иерархии. «Когда Карл принимал пищу, – говорит монах из Санкт-Галлена, – его обслуживали герцоги, короли и другие вожди разных народов. Последние сменяли его за столом и имели своими слугами графов, префектов и сеньоров, облеченных главными достоинствами дворца. Те, в свою очередь, заменялись военной молодежью и учениками (*scholares*) императорского двора. Затем следовали мастера, а затем младшие офицеры различных служб или должностей». Другой, более пространственный документ, исходящий от Адаларда, одного из ближайших союзников и фаворитов великого императора, собранный и опубликованный знаменитым Гинкма-

ром, документ, хорошо известный под названием «Послание к вельможам о порядке дворца», посвящает нас более глубоким образом в эту организацию, которая охватывала одновременно домашнюю жизнь государя и общее управление государством. После императора и принцев высшим достоинством дворца было достоинство *апокрисария*, или министра-государственного секретаря по церковным делам. При Меровингах он назывался капелланом или архикапелланом. Ему помогали великий канцлер и несколько клириков. Рядом с ним возвышался, почти равный по могуществу, граф дворца, ведавший светскими делами: политикой, войной и правосудием. Камерарий или великий камергер, находившийся под прямым началом королевы или императрицы, заботился об убранстве, мебелировке и украшении дворца. Сенешал был поставлен во главе питания и обслуживания стола; его коллегой был великий виночерпий, специально ответственный за напитки: вино, пиво, медовуху и т. д. Коннетабль, который следовал за ними, был интендантом конюшен и хлебов, и, по расширению, кавалерии; эта функция оставалась по существу военной и первоклассной должностью. Последним из великих офицеров был дворецкий или квартирмейстер (*mansionarius*), который должен был обеспечивать размещение императора и двора в их многочисленных переездах. После них следовали офицеры все более низкого порядка: четыре великих ловчих, сокольничий, привратник, казначей, кладовщик, эконоом; затем ловчие, псарь, от-

ветственные за охоту на бобров (*beverarii*) и т. д. Что касается порядка, соблюдавшегося в управлении государственными делами, то две большие ассамблеи, одна осенью, другая, еще более торжественная, весной, служили для разработки или, по меньшей мере, подготовки и особенно провозглашения закона, истинным творцом и судьей которого был король или император. Эти собрания происходили, когда позволяла погода, под открытым небом; в случае дождя или непогоды они проводились в закрытых зданиях, разделенных различными залами на три больших части. В одной пребывал государь в сопровождении своих приближенных, к которым постоянно обращались для обсуждения самих дел; вторая была занята церковными советниками, а третья – светскими советниками, которые, таким образом, совещались отдельными корпорациями. Что касается народа, то он оставался снаружи, и его роль почти исключительно ограничивалась аккламацией.

Приведенное перечисление дает почти точную картину титулов и высших должностей, бытовавших при дворах, и особенно во Франции, на протяжении существования монархии. Что касается актов и процедуры, которые составляли выполнение этих различных функций, то есть что касается собственно Церемониала и этикета, то мелочные правила, которые сделали из них одновременно науку и закон, установились у нас лишь медленно и поздно. В 1389 году, когда король Карл VI, еще молодой, женился на знаменитой Изабо

Баварской, своей невесте, едва достигшей четырнадцати лет, он пожелал устроить ей в Париже великолепный въезд, который по своей пышности и блеску соответствовал бы страсти, которой он был охвачен. Он попросил поэтому королеву Бланку, вдову Филиппа Валуа, председательствовать в распорядке церемонии, обращаясь к воспоминаниям о прошлых временах; и ограничились, соответственно, тем, что проконсультировались с официальными записями, то есть Хроникой монастыря Сен-Дени, за отсутствием каких-либо установленных на этот счет твердых правил. Первый свод правил на этот предмет, предназначенный для благородных сословий, который появился во Франции или, по крайней мере, который нам известен, носит название «*Honneurs de la cour*» («Почести двора»). Он датируется концом XV века, и у нас далее будет возможность специально на нем остановиться. В 1548 году эти вопросы все еще не были урегулированы законодательной властью, ибо в ту эпоху король Генрих II, желая «знать и понимать, какой ранг и порядок во всех великих и торжественных собраниях сохраняли со времен его предшественников принцы крови, как герцоги, так и графы, прочие принцы, бароны и сеньоры королевства, и подобным же образом коннетабли, маршалы Франции и адмирал», дал поручение Жану дю Тилье, гражданскому секретарю в своей судебной палате парламента, разыскать в королевских архивах различные достоверные свидетельства, способные прояснить этот вопрос и служить законом на буду-

щее. (*Годфруа, Французский церемониал, 1649, т. I*). Наконец, лишь Генрих III своими патентными грамотами от 2 января 1585 года учредил должность великого магистра церемоний Франции в пользу Гийома По, сеньора де Род; последний передал ее своей семье, где она оставалась наследственной в течение нескольких поколений.

Между тем этот вопрос о Церемониале, и особенно о старшинстве, уже не раз привлекал внимание государей не только внутри их собственных государств, но и в международных дипломатических отношениях. Проведение соборов, которые объединяли совместно с депутатами всей Церкви послов всех христианских держав, в особенности должно было вызвать рассмотрение этой материи. Папа Юлий II в 1504 году велел обнародовать своим мастером церемоний, Пьером де Крассисом, декрет, который определял следующим образом иерархический порядок, в котором различные государи Европы или их представители должны были занимать места.

1° Император. 2° Король римлян. 3° Король Франции. 4° Король Испании. 5° Король Арагона. 6° Король Португалии. 7° Король Англии. 8° Король Сицилии. 9° Король Шотландии. 10° Король Венгрии. 11° Король Наварры. 12° Король Кипра. 13° Король Богемии. 14° Король Польши. 15° Король Дании. 16° Республика Венеция. 17° Герцог Бретани. 18° Герцог Бургундии. 19° Курфюрст Баварии. 20° Курфюрст Саксонии. 21° Курфюрст Бранденбурга. 22° Эрцгерцог Австрии. 23° Герцог Савойи. 24° Эрцгерцог Флоренции

(Великий герцог Тосканский). 25° Герцог Милана. 26° Герцог Баварии. 27° Герцог Лотарингии.

Мы должны добавить, что этот декрет никогда не получил одобрения заинтересованных сторон, чьи соперничающие притязания он задевал, и что в течение всего Средневековья этот вопрос о старшинстве оставался, вплоть до самых скромных публичных церемоний, постоянным источником тяжб и ссор, слишком часто кровавых.

Таким образом, в Средние века традиция была древнейшей и главной юриспруденцией в вопросах этикета и церемониала. Именно на ее основе, главным образом, то есть на основе фактов, мы и представим сокращенную картину важнейших торжеств в жизни королей, принцев и других лиц, принадлежащих к дворянскому сословию. Среди этих церемоний уместно поставить на первое место те, которые имели целью само возведение государей на их трон и которые одновременно заимствовали свою моральную санкцию и свое высшее величие от вмешательства, которое вносила в них религиозная власть. Поговорим сначала о помазании и коронации королей Франции.

Что бы ни говорили на эту тему многочисленные писатели в эпохи энтузиазма и слепой веры, когда королевская власть была предметом всеобщего культа, Пипин Короткий, сын Карла Мартелла и основатель второй династии, был первым из наших королей, кто получил религиозное помазание; и существенная форма, как и место проведения этой цере-

монии, претерпевали долгое время многочисленные изменения, прежде чем были закреплены окончательным законом; это ясно покажет историческое резюме, которое мы изложим. В 752 году Пипин Короткий, будучи избранным королем франков с одобрения папы Захария и в ущерб законному королю Хильдерику III, велел помазать себя впервые архиепископом Майнца, святым Бонифацием, в соборе Суассона; затем, во второй раз, со своими двумя сыновьями Карлом Великим и Карломаном, в 754 году, в аббатстве Сен-Дени, папой Стефаном III; он же был первым принцем, который принял в своих актах титул короля милостью Божией. После него Карл Великий, уже помазанный как наследник своего отца, ограничился тем, что велел помазать себя последовательно верховным понтификом сначала как король лангобардов, затем как император, и добился той же консекрации для своих сыновей, с титулом их соответствующих княжеств. Людовик Благочестивый, его непосредственный преемник, был помазан в Реймсе папой Стефаном IV в 816 году в качестве императора и короля Франции. В 877 году Людовик Заика, король Франции, получил в Компьене помазание и скипетр из рук Гинкмара, архиепископа Реймса. Два года спустя его два сына, Людовик III и Карломан, были сопричастны той же церемонии, а также трону их отца, в присутствии Ансегиса, архиепископа Санса, и в аббатской церкви Сен-Пьер-де-Феррьер. Помазание короля Эда в 888 году состоялось в Компьене руками архиепископа Санса. Карл Про-

стой в 893 году и Роберт I в 922 году были помазаны и коронованы в Реймсе; но помазание и коронование Рауля (923) праздновались в аббатстве Сен-Медар в Суассоне; а Людовика Заморского, сына Карла Простого (936), – в Лане. С 954 года по 1106 год, и со времени вступления короля Лотаря до вступления Людовика VI по прозвищу Толстый, помазание королей Франции происходило то в митрополичьей церкви Реймса, то в других церквях, но чаще всего в первой. Людовик VI, будучи помазанным в соборе Орлеана руками ординарного епископа, святого Самсона, клир Реймса заявил протест против этого мнимого нарушения обычая и своих привилегий. Но знаменитый Ив Шартрский, один из самых значительных лиц своего века, присутствовавший как прелат на церемонии в Орлеане, опроверг эти притязания в любопытном письме, где он утверждал, что ни одна церковь не обладает ни по праву, ни фактически, ни по справедливости исключительной привилегией сообщать вновь царствующему монарху религиозную консекрацию. Однако следует признать, что за отсутствием юридического титула традиция и исторические воспоминания составляли в пользу протестующих особую рекомендацию. Церковь Реймса была, в самом деле, первой христианской митрополией всей Бельгийской Галлии, которая в своей округе охватывала первоначальный домен королей Франции. Монархия, в лице Хлодвига, получила там первую печать религиозной жизни; и до помазания Людовика Толстого, когда преемник святого Ремигия,

архиепископа Реймса, не совершал сам над вновь провозглашенным королем символ божественного вмешательства, это служение, как можно было наблюдать, почти всегда исполнялось суффраганом провинции. Король Людовик Молодой, сын Людовика Толстого, был помазан в Реймсе в 1131 году папой Иннокентием II; позднее, в 1179 году, желая обеспечить своему сыну Филиппу Августу, и заранее, санкцию Церкви, чтобы добавить престижа его титулу короля, он велел помазать его в Реймсе и обнародовал по этому случаю под сенью своей королевской власти специальный акт, который был зарегистрирован в архивах Палаты счетов. Этот подлинный декрет предписывал порядок, которому надлежало следовать в подобных случаях, и с той поры до конца царствования Бурбонов старшей ветви церемония помазания происходила неизменно, согласно законному обряду, в митрополии Реймса; за исключением, однако, Генриха IV, который был помазан и коронован в Шартре епископом этого города посреди раздоров гражданской войны, разделявшей тогда его королевство.

Настало время вспомнить здесь главные акты, составлявшие Церемониал этого великого торжества.

Помазание королей Франции должно было совершаться в воскресенье. Уже накануне, и некоторое время прежде, митрополия готовилась к этой церемонии. В субботу, предшествующую назначенному дню, после завершения повечерия, охрана церкви переходила к королевским офицерам, помо-

гавшим собственным стражам собора. В промежутке, отделявшем субботу от следующего дня, и «в тишине этой ночи, монарх приходил туда совершить свою молитву и, по своему благочестию, провести там некоторое время в молитвах». Обширные подмости, увенчанные тронем, воздвигались между святилищем и главным нефом. Взойти на них с королем и его великими офицерами должны были двенадцать пэров, а именно: шесть церковных пэров, коими были архиепископ-герцог Реймский, епископ-герцог Ланский, епископ-герцог Лангрский, епископ-граф Бовэский, епископ-граф Шалонский, епископ-граф Нуайонский, в сопровождении суффраганов провинции Реймса и других прелатов, которых королю было угодно туда призвать; затем шесть светских пэров: герцог Бургундский, герцог Нормандский, герцог Аквитанский, граф Тулузский, граф Фландрский, граф Шампанский, и другие офицеры или сеньоры; Король с рассветом отправлял депутацию баронов в аббатство Сен-Реми в Реймсе, где хранился Святой Стеклянчик, состоявший, как известно, в склянке, содержащей святое миро, предназначенное для королевского помазания. Аббат Сен-Реми в сопровождении своих монахов и под охраной королевского посольства приносил процессионально святой елей и помещал его на алтарь. Со своей стороны, аббат Сен-Дени-ан-Франс подобным же образом привозил с великой пышностью и возлагал на алтарь королевские регалии, которые хранились в сокровищнице его монастыря, а именно:

корону, меч в ножнах, золотые шпоры, позолоченный скипетр, жезл, увенчанный рукой из слоновой кости, сандалии или сапожки из синего шелка, украшенные лилиями, фелонь или далматику, и сюрко, или королевскую мантию, в форме плаща без капюшона. Король, встав с ложа, входил в митрополию и сначала приносил клятву соблюдать католическую веру и привилегии Церкви и вершить своему народу добрый и верный суд. Затем он подходил к подножию алтаря и снимал часть своих одежд. Он представлял с непокрытой головой, в рубашке, расстегнутой на груди, на руках, между плеч и застегнутой серебряными шнурками. Архиепископ Реймский тогда вынимал меч из ножен и вкладывал его в руку короля, который передавал его коннетаблю. Затем он приступал к религиозному помазанию с помощью чудодейственного елея, который он смешивал, пользуясь маленьким золотым жезлом, с миром своей церкви. Сделав это, прелат, сидя в положении совершения консекрации, совершал, над преклоненным перед ним королем, помазания, числом пять: одно на лоб, второе на грудь, третье на спину, четвертое на плечи и пятое на сгибы рук. Монарх, с помощью своих офицеров, облачившись в свои королевские одежды, получал от архиепископа последовательно перстень, скипетр, руку правосудия и, наконец, корону. В этот момент двенадцать пэров собирались, светские в первой линии, вокруг государя и, возлагая руку на корону, должны были некоторое время поддерживать ее; затем все вместе вели короля на его трон.

Прелат-совершитель, сняв митру, преклонял в свою очередь колени у ног монарха и подавал другим присутствующим пэрам и феодалам пример принесения оммажа-лигии. В то же время возглас «ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!», произнесенный архиепископом, повторялся трижды снаружи герольдами, которые обращали его к собравшейся толпе; та отвечала, выкрикивая: «НОЭЛЬ! НОЭЛЬ! НОЭЛЬ!» и хватала мелкие монеты, которые королевские офицеры бросали ей со словами: «ЩЕДРОСТЬ, ЩЕДРОСТЬ ДЛЯ ПРОСТОЛЮДИНОВ!» Все эти акты сопровождались благословениями и молитвами, формула которых читалась в Понтификале помазания, и торжество завершилось возвращением различных процессий, из которых состояло все шествие.

Королева Франции, когда принц был женат, участвовала в почестях помазания, символического инвестирования и коронования; но она разделяла воздаваемые королю почести лишь в ограничительных формах, которые указывали в ее отношении, при менее обширной власти, на менее высокий ранг.

Формальности и торжественная пышность, отмечавшие вступление во владение императоров Германии, также образуют интересную главу в истории Церемониала в Средние века. Программа этих церемоний и место, где они совершались, оставались также в течение нескольких веков лишенными определенности. Император Карл IV установил первые правила, которым надлежало следовать в этих случаях;

таков был предмет диплома, который он торжественно обнародовал в 1356 году в лоне имперского сейма в Нюрнберге. Этот диплом, снабженный печатью из чистого золота, остался по этой причине известным под названием Золотой буллы; он бережно хранится в архивах древней senatorской (вольного имперского) города Франкфурта-на-Майне и показывается за большие деньги любопытным, посещающим Рёмер и Кайзерзал, где некогда проходили церемонии возведения императоров. Согласно условиям Золотой буллы, когда император умирал, архиепископ Майнцский созывал на назначенный день князей-курфюрстов Империи. Избрание должно было происходить во Франкфурте, коронавание – в Ахене, а первый сейм или пленарный двор – в Нюрнберге; но эти установления не были абсолютно обязательными, и вольный город Франкфурт-на-Майне оставался чаще всего местом и театром этих различных торжеств. В назначенный день и место курфюрсты должны были являться в сопровождении своих вассалов и свиты. Эти курфюрсты в течение всего Средневековья оставались числом семь, в честь, как сказано в булле, семи светильников Апокалипсиса.

Вот каковы были их ранги, имена и качества:

1° Курфюрст-архиепископ Майнцский, архиканцлер Священной Римской империи в Германии;

2° Курфюрст-архиепископ Трирский, архиканцлер Священной Римской империи в Галлии и в королевстве Арль-

ском;

3° Курфюрст-архиепископ Кёльнский, архиканцлер Священной Римской империи в Италии.

Эти три духовных князя были равны по достоинству и старшинству; они занимали поочередно, в порядке своих функций, председательство или почетное место, когда находились в географической округе своих соответствующих архиканцлерств. Так, курфюрст Майнцкий имел первенство в Германии; курфюрст Трирский – в древнем Бургундском королевстве и т. д. Затем, четыре светских курфюрста:

4° Курфюрст-король Богемский, архивиночерпий Священной Римской империи;

5° Курфюрст-пфальцграф Рейнский, архисенешал Священной Римской империи;

6° Курфюрст-герцог Саксонский, архимаршал Священной Римской империи;

7° Курфюрст-маркграф Бранденбургский, архикамерарий Священной Римской империи.

Все семеро носили титул светлейших, получали высший ранг после членов императорской семьи и исполняли при императоре ту же службу, что двенадцать пэров вокруг короля Франции.

Курфюрсты, собравшись однажды, после прослушивания мессы Святого Духа в церкви Святого Варфоломея во Франкфурте, удалялись в сопровождении своих офицеров и нотариев в ризницу той же церкви. Конклаву давалось тридцать дней на совещание; по истечении этого срока, и согласно содержанию буллы, курфюрсты не должны были более вкушать хлеба и пить воды, пока не сойдутся, по крайней мере большинством голосов, чтобы дать христианскому народу светского главу, то есть короля римлян, который должен быть произведен в императоры. В самом деле, в первоначальной доктрине Средневековья весь земной шар, переданный уже в настоящем или обещанный на будущее, царству Евангелия, был подчинен двум властям, которые символически назывались двумя мечами. Одна из этих властей, и первая, та, что управляла духовными или божественными вещами, была Папа, наместник Иисуса Христа; другая, которая председательствовала в светских делах, была Император, и, со времени попытки обновления, предпринятой Карлом Великим, император Германии считался заместителем прав и сюзеренитета древних цезарей над всеми народами, которые некогда входили в великую Империю. Оба, вместе, дополняли, в живой персонификации, верховный идеал власти на земле...

«Эти две половины Бога, папа и император».

Вновь избранный принц был еще лишь королем римлян, и этот титул часто носили персонажи, которых желания изби-

рателей или обстоятельства политики предназначали лишь для Империи. Чтобы быть возведенным в полноту своей власти и могущества, он должен был еще получить религиозную консекрацию и коронование. Первоначально помазание императоров происходило то в Ахене, то в Риме, и не раз при служении главы католичества; но, начиная с обнародования Золотой буллы, эта церемония происходила большей частью в церкви Святого Варфоломея во Франкфурте. Для этой цели туда привозили из Нюрнберга имперские регалии, которые долго хранились в этом городе. Эти регалии, находящиеся ныне в Вене в Австрии, состояли из предметов, которые мы перечислим: императорская корона, закрытая, составленная из восьми золотых пластин, украшенных драгоценными камнями и увенчанная крестом, на который опирается четверть круга в виде диадемы; – скипетр; – рука правосудия; – меч; – и держава, или имперское яблоко, по-немецки *Reichsapfel*. К ним следует добавить имперские одежды, которые ни в чем не уступали по богатству предыдущим драгоценностям и были предметом не меньшего почитания. Они состояли из двух туник неравной длины, альбы и далматики, которые надевались одна поверх другой и которые обе, помимо богатства материала, золота, шелка или самнита (тяжелой шелковой ткани), являли собой продукт столь же древней, сколь и любопытной работы; затем, столы и мантии, или плювиала. Ноги императора, обутое в золотые шпоры, были, кроме того, обуты в сандалии с лентами, укра-

шенными драгоценными камнями, а его руки покрыты перчатками из пурпурного шелка, вышитыми жемчугом и украшенными пластинами и драгоценными камнями. Религиозная церемония представляла большое сходство с той, которую мы описали для коронования королей Франции, и с аналогичными церемониями, употреблявшимися для возведения всех принцев христианского мира.

Кёльнский архиепископ-курфюрст совершал торжественное богослужение у алтаря; это он возлагал корону на чело избранника и совершал над ним высшее помазание. Другие символы его власти вручались ему каждым из курфюрстов; после этого он провозглашался громогласно перед собравшимся народом и приветствовался титулами: **Цезарь, Священнейшее Величество, Вечноблагородный, Император Священной Римской империи германской нации**, к которым принц добавлял те, которые он получал иным образом – по наследству, или путем избрания, союза или завоевания.

Выйдя из церкви Святого Варфоломея, императорское шествие двигалось через город. Группа, в центре которой находился император, формировалась следующим образом:

Впереди, верхом на коне, шел **курфюрст Трирский**, несущий на серебряном жезле печати Империи;

Затем **курфюрст Саксонский**, несущий меч;

Слева от него **курфюрст Бранденбургский**, несущий **скипетр**; имея сам слева от себя **курфюрста Майнц-**

ского или Кёльнского.

ИМПЕРАТОР.

Справа от него **Пфальцграф Рейнский**, несущий **державу**; имея сам справа от себя поочередно, как было сказано выше, **курфюрста Кёльнского или Майнцского**.

Король Богемский следовал непосредственно за императором.

Шествие направлялось таким образом к **Ратуше**, или *Rath-haus*, особенно называемому **Рёмером**, в воспоминание о великом имени Рима. Там, в **Кайзерзале**, или Зале Цезарей, для главных участников этой церемонии был приготовлен пир.

Но предварительно князья-курфюрсты торжественно исполняли обязанности своих должностей и достоинств в следующем порядке.

В тот момент, когда император только что вошел в Рёмер, **курфюрст Саксонский**, архимаршал Империи, все еще верхом, пускал свою лошадь во весь опор к куче овса, приготовленной на площади: держа в одной руке серебряную меру, а в другой – скребок из того же металла, которые вместе весили двенадцать марок, он наполнял меру овсом, сгребал его скребком и передавал наследственному маршалу; остальной овес шумно делился между руками и под ногами народа, свидетеля этого зрелища. Затем **пфальцграф Рейнский**, архисенешал, приходил исполнить свою функцию. Он должен был поставить перед императором, сидя-

щим за своим императорским столом, четыре серебряных блюда по три марки каждое, наполненных яствами. **Король Богемский**, архивиночерпий, подносил императору воду и вино в серебряной чаше весом в двенадцать марок. Наконец, **маркграф Бранденбургский** должен был поднести ему для омовения рук серебряный кувшин, также весом в двенадцать марок. Что касается **трех архиканцлеров**, то на их общие средства должен был быть предоставлен серебряный жезл, также весом в двенадцать марок, на котором один из них носил подвешенные печати Империи. Во время пира по случаю коронации или в течение заседания первого имперского сейма, каждый из канцлеров, все время, пока они сопровождали императора, носил на шее различные типы императорских печатей, символы своих достоинств и должностей. Когда эти формальности были завершены, император, императрица (если он был женат), принцы и, наконец, каждый из курфюрстов, садились за отдельные столы и прислуживали им их собственные офицеры; на особом столе помещались императорские регалии.

Церемония завершалась снаружи публичными увеселениями, такими как открытие фонтанов, изливающих вино, пиво и другие напитки; гигантские кухни, где целые быки жарились на огромных вертелах; столы, накрытые под открытым небом для всех желающих; одним словом, все те щедроты и развлечения, которые веками составляли программу публичных празднеств и о которых мы должны будем еще

сказать, рассматривая Церемониал народный.

Дожи Венеции, а также император Германии, король Польши и небольшое число итальянских правителей отличались, как известно, от остальной и большей части государей христианского мира способом установления своей власти. Правители, которых мы относим к первой категории, получали свои полномочия от делегации, осуществляемой более или менее ограниченным числом избирателей; тогда как для остальных государей единственным источником этой власти был по сути **право наследственное**, впоследствии названное **божественным правом**. В Венеции, с 1268 года, конклав, состоящий из сорока выборщиков и сам назначенный гораздо более многочисленным собранием нотаблей, был обязан избирать дожа, или президента светлейшей республики. **Лоренцо Тьеполо**, занимавший этот пост с 1268 по 1285 год, тотчас после своего избрания был с триумфом пронесен на руках матросами этого великого морского города. С той поры вошел в обычай подобным же образом носить вновь избранных дождей. Для этого портовые рабочие поднимали принца на богатый паланкин и с великой пышностью проносили его на своих плечах, обходя всю великолепную площадь Сан-Марко.

Другая особенная и характерная церемония совершалась под председательством этого же магистрата: это была **свадьба Дожа и Моря**. В день Вознесения, в самую прекрасную пору года, при ясной погоде и попутном ветре, дож,

взойдя на большую галерею, называемую **Буцентавр**, великолепно оснащенную, сверкавшую золотом, драгоценными тканями, украшениями всех видов и живописных расцветок, пересекал лагуны и под звуки музыки, в окружении необозримой морской свиты, удалялся примерно на лье в просторы Адриатики. Когда экипаж таким образом достигал открытого моря, патриарх Венеции благословлял волны; затем дож, встав у руля, бросал в Море золотое кольцо со словами: «О Море, я вступаю с тобой в брак во имя и в свидетельство нашего истинного и вечного господства!» Тотчас Океан покрывался цветами, крики ликования и рукоплескания толпы смешивались с аккордами музыки и грохотом артиллерии, в то время как лучезарное и безмятежное небо этих краев улыбалось этой поэтической картине.

То, что особенно усиливало блеск этих торжеств и нравственное впечатление, которое они производили на умы населения, было **торжественное использование** определенных атрибутов, различных реликвий, связанных с самыми знаменитыми воспоминаниями национальной истории и получавших от престижа времени, равно как и от всенародного почитания, высокое освящение. Так, при коронации королей **Венгрии** на голову нового монарха возлагалась корона короля **Святого Стефана**; в **Англии** – древний трон **Святого Эдуарда и королей Шотландии**; в **Германии** – императорские регалии **Карла Великого**; во **Франции**, начиная с определенного времени, – корона и рука право-

судия **Святого Людовика**; в более отдаленную эпоху – шпоры и меч **Карла Великого**. Наконец, самой почитаемой реликвией у наших предков была **Святая Стекляница** (*Ampulla*, стеклянный флакон), которую, согласно благочестивой легенде, голубь принес с неба епископу **святому Ремигию** для помазания Хлодвига, первого христианского короля монархии.

Когда государи получали от служителей религии священное помазание, им оставалось лишь вступить в реальное владение своими государствами. Этот окончательный акт часто сопровождался последним разрядом церемоний, которые назывались **радостным въездом, первым въездом или торжественным въездом**. Этот въезд происходил, естественно, в столичном городе. Историки сохранили нам бесчисленные описания пышностей, развертывавшихся в подобных случаях. Программа этих празднеств, менявшаяся в зависимости от времени и места, представляет такое множество деталей, что мы вынуждены отказаться от попытки представить здесь их методический анализ. Мы ограничимся тем, что приведем в качестве любопытного образца рассказ одного из старых хронистов нашего народа, **Жана Жувенеля или Жювенеля дез Юрсена**. Речь идет о торжественном въезде, который совершила в Париж в 1389 году знаменитая **Изабо Баварская**, жена Карла VI.

«В лето тысяча триста восемьдесят девятое, – говорит хронист, – король пожелал, чтобы королева, его супруга, въе-

хала в Париж, и он повелел уведомить и дать знать о сем жителем города Парижа, дабы они приготавились. И на каждом перекрестке были различные изображения историй и фонтаны, извергавшие воду, вино и молоко. Парижане вышли навстречу с прево купечества, с великим множеством народа, крича: "Ноэль!". Мост, по которому она проезжала, был весь завешен голубым тафтом с золотыми лилиями. И был там человек весьма легкий, одетый наподобие ангела, который, с помощью искусно сделанных механизмов, спустился с башен собора Парижской Богоматери на упомянутый мост и проник сквозь отверстие в сей завесе в тот час, когда королева проезжала, и возложил ей на голову прекрасную корону, а затем, посредством механизмов, которые были сделаны, был втянут назад через то же отверстие, словно сам собой возвращался на небо. Перед Гран-Шатле был устроен прекрасный ложе, весь завешенный и убранный коврами лазурного цвета с золотыми лилиями, и говорили, что он сделан для представления ложа правосудия, и был он весьма велик и богато убран; и посредине находился олень очень большой, величиной с того, что во Дворце, весь белый, искусно сделанный, с позолоченными рогами и с золотой короной на шее, и был он так устроен и составлен, что находившийся внутри невидимый человек заставлял его двигать глазами, рогами, пастью и всеми членами, и на шее у него висел герб короля: а именно лазурный щит с тремя золотыми лилиями, весьма богато сделанный. И на ложе, возле оленя, лежал большой

обнаженный меч, прекрасный и сверкающий, и когда настал час, и королева проезжала, тот, кто управлял оленем, заставил его передней правой ногой взять меч, и он держал его совсем прямо и заставлял дрожать. Королю донесли, что делаются упомянутые приготовления, и он сказал Савуази, который был одним из самых приближенных к нему: "Савуази, умоляю тебя, насколько могу, чтобы ты сел на доброго коня, а я сяду позади тебя, и мы переоденемся так, что нас не узнают, и пойдем посмотреть на въезд моей жены". И хотя Савуази всячески отговаривал его, однако король того пожелал и повелел ему, чтобы так было сделано. И Савуази сделал то, что король ему приказал, и переоделся как мог лучше, и сел на крепкого коня, а король позади него, и поехали они по городу в разные места, и подъехали, чтобы прибыть к Шатле в час, когда проезжала королева, и там было множество народа и великая давка, и Савуази протиснулся как можно ближе, а там повсюду были сержанты с толстыми березовыми палками; которые, чтобы разогнать толпу и не допустить насилия над ложем, где был олень, били со всех сторон своими палками весьма сильно: и Савуази все пытался приблизиться. А сержанты, не знавшие ни короля, ни Савуази, ударяли своими палками по ним, и король получил от этого несколько ударов и толчков по плечам, весьма основательных. И вечером, в присутствии дам и девиц, дело это стало известно и было рассказано, и начали подшучивать, и сам король-государь подсмеивался над ударами, которые он

получил. Королева при въезде находилась в носилках, весьма богато украшенной и убранной, и также были убраны дамы и девицы, что было прекрасно видеть. И кто захотел бы описать все убранства дам и девиц, рыцарей и оруженосцев, и тех, кто сопровождал королеву, это было бы долго рассказывать. И после ужина были песни и танцы до самого дня, и было устроено великое веселье, и на следующий день были турнир и другие забавы».

После въездов королей, королев, принцев, наместников и губернаторов, «**Французский церемониал**» упоминает еще **ложа правосудия, собрания нотаблей, приемы и встречи иностранных государей или их послов, и торжественные процессии.**

Ограничимся некоторыми подробностями касательно первых. **Ложа правосудия**, символическое изображение которой можно было заметить среди мистерий, описанных в предшествующем рассказе, была одним из атрибутов, одной из самых торжественных пышностей королевской власти. Различали три категории собраний, носивших это название. Первая называлась также и более особенно **плеадоями**; это было, когда король, верховный судья своих государств, хотел лично присутствовать на одном из заседаний судов. В этом случае ход судебных действий никоим образом не изменялся, за исключением того, что в самом зале заседаний для государя отводилось почетное место. Вторая называлась **советами**; она происходила, когда король хотел

председательствовать на судебном совещании. Тогда магистраты заседали, как обычно, в черных мантиях, и никто не сопровождал короля без права высказывать мнение на совете. Наконец, третья, называемая по преимуществу **ложамии правосудия** и часто **судом пэров**, собиралась, когда дело шло о суде над пэром Франции или какой-либо государственной причиной; или же когда король желал зарегистрировать важный эдикт от имени своей абсолютной суверенности. Известна историческая и роковая роль, которую играли такого рода собрания, главным образом в последние времена монархии. Эти ложи правосудия происходили с внушительным устройством; монарх обычно созывал на них принцев крови и офицеров своего дома. Члены парламента заседали там в красных мантиях, председатели – в своих шапочках и мантиях, а секретари – в эпитогах.

У ног короля сидели великий и первый камерарии, а также прево Парижа. Канцлер Франции, председатели и советники занимали барьер; приставы суда стояли на коленях.

Мы только что последовательно рассмотрели главные церемонии, относящиеся к политической жизни государей. Существует другой класс лиц, чье общественное существование также давало повод ко многим пышностям и история которого непосредственно связана с Церемониалом Средневековья: мы хотим указать на **рыцарство**. Но об этом институте подробно говорится в специальной главе о Средневековье, и мы должны, по этому пункту, отсылать к ней чи-

тателя.

Углубимся теперь более подробно во **внутренний церемониал благородных классов**, взяв в качестве руководства сочинение, о котором мы упомянули выше, – «**Почести двора**». Автор этого дневника, **Элеонора или Алиенора де Пуатье**, была дочерью Изабеллы де Суза, происходившей от королей Португалии. Когда в 1429 году Изабелла, инфанта Португалии, прибыла во Францию как невеста **Филиппа Доброго**, герцога Бургундского, она привезла с собой в качестве дамы почетного эскорта **Изабеллу де Суза**, которая впоследствии вышла замуж за **Жана де Пуатье**, сеньора д'Арси-сюр-Об в Шампани. От этого брака родилась **Элеонора**; она вступила уже в возрасте семи лет при бургундском дворе, рядом со своей матерью, и вышла замуж за **Гийома де Ставеле**, виконта де Фюрна. Достигнув преклонного возраста, она занесла в занимающую нас книгу собственные наблюдения о придворном церемониале, сопровождаемые теми, которые ей завещала ее мать, **Изабелла де Суза**. Однако эта дама Изабелла сама собрала сведения и традиции, переданные ей другой дамой, которая предшествовала ей на этом поприще. Эта последняя была **Жанна д'Аркур**, родившаяся в 1372 году и вышедшая замуж в 1391 году за **Гийома**, графа Намюрского, сына Гийома, графа Фландрского. В силу этого союза она очень рано занимала одно из первых мест при бургундском дворе. Графиня Намюрская, по выражению нашей авторши, «была наиболее

сведущей во всех **статусах** – то есть в рангах и положениях – какая была в королевстве Франции, и имела большую книгу, где все было записано. И герцогиня Бургундская Изабо ничего не делала в таких вещах иначе как по совету и с мнения госпожи Намюрской, как я слышала от матушки моей». **Алиенора де Пуатье** записывала свои наблюдения около 1484 года, и ее деятельность продолжалась примерно до 1504 или 1508 года. Эти мемуары охватывают, следовательно, период по меньшей мере в столетие, и все эти обстоятельства, вместе взятые, способствуют тому, чтобы сделать их одним из самых поучительных и драгоценных документов, которые могут просветить нас в этих вопросах. Поэтому вполне уместно представить здесь сжатый, и чаще всего текстуальный, анализ этого сборника.

Одна из первых глав трактует о порядке и старшинстве, соблюдаемых в различных случаях. Главное правило, вытекающее из этих различных замечаний, таково, что, «по **статусам** Франции, женщины следуют согласно своим мужьям, сколь бы великими они ни были, будь она даже дочерью короля». У нас далее будет случай прояснить эту теорему Церемониала наглядными примерами. На свадьбе Карла VII и Марии Анжуйской, которая праздновалась в 1413 году, «никогда не было, по словам госпожи Намюрской, столько принцев и великих дам, сколько было там. Но на банкете все дамы обедали с королевой, и никакие мужчины за столом не сидели». Из этого отрывка видно, что оба пола еще не были

беспрепятственно допущены и смешаны в различных актах внутренней жизни дворов. Это введение женщин и их смешение с принцами и придворными произошло лишь позднее, при Франциске I, и это изменение старых обычаев оказало, как известно, самое серьезное и полное влияние не только на нравы, но и на политику и общественные дела.

В следующей главе Алиенора рассказывает «о почести, которую королева, Мария Анжуйская, жена Карла VII, оказала госпоже герцогине Бургундской Изабелле, когда та была в Шалоне в Шампани, у нее, в 1445 году».

«Госпожа герцогиня, – говорит она, – прибыла, она и вся ее свита, на кобылицах и в повозках, прямо во двор дома, где находились король и королева; и там сошла госпожа герцогиня; и ее первая девица взяла ее шлейф. Месье де Бурбон вел ее под руку, и дворяне шли впереди. И в сем порядке она дошла до зала перед комнатой, где находилась королева. Там моя упомянутая госпожа остановилась и велела войти месье де Креки, который был ее рыцарем почета, чтобы спросить у королевы, угодно ли ей, чтобы госпожа герцогиня вошла, и когда упомянутый мой господин де Креки возвратился, моя упомянутая госпожа двинулась до двери комнаты, где находилась королева. Все рыцари и дворяне, сопровождавшие ее, вошли внутрь; затем, когда госпожа герцогиня подошла к двери, она взяла шлейф своего платья в руку и отстранила ту, которая его несла, и когда она ступила перед дверью, она дала ему волочиться и преклонила колени по-

что до земли, и затем двинулась до середины комнаты. Там она снова сделала такой же почет (реверанс) и затем снова начала идти все к королеве, которая стояла совсем прямо, и нашла там Госпожу (королеву) возле изголовья своей кровати; и когда госпожа герцогиня начала делать третий почет, королева сделала два или три шага вперед, и Госпожа (герцогиня) опустилась на колено: королева положила одну из своих рук ей на плечо, обняла и поцеловала ее и подняла».

Затем герцогиня подошла к дофине, Маргарите Шотландской, жене дофина, впоследствии Людовика XI, которая «находилась в четырех или пяти футах от королевы, и оказала ей те же почести, что и той, с той разницей, что дофина, казалось, хотела помешать ей преклонить колени до земли». Затем, направляясь к королеве Сицилийской – Изабелле Лотарингской, жене Рене Анжуйского, шурина короля по его сестре Марии Анжуйской —, которая «находилась в двух или трех футах от госпожи дофины», она ограничилась тем, что поклонилась ей; она поступила так же с третьей принцессой, госпожой Калабрийской, которая принадлежала к королевскому роду в еще более отдаленной степени. Затем королева, а после нее дофина, поцеловали трех первых дам почета герцогини и жен дворян. Герцогиня сделала то же для дам, сопровождавших королеву и дофину. «Но из дам королевы Сицилийской Госпожа не поцеловала больше, чем та – ее дам. И ни за что не пожелала госпожа герцогиня идти позади королевы Сицилийской; ибо она говорила, что месье

герцог Бургундский был ближе к короне Франции, нежели король Сицилийский, а также что она была дочерью короля Португалии, который выше короля Сицилийского». (См. выше, Старшинство государей, № 6 и 8.) Таково приложение принципа, который мы объявили ранее, что «дамы следуют согласно своим мужьям».

Элеонора де Пуатье рассказывает еще об одном весьма любопытном обстоятельстве, в котором видно, что кодекс этикета еще не был изменен, как это произошло позднее, идеалом галантности, то есть добровольным почтением мужского пола по отношению к другому, вне зависимости от политического ранга сторон. В 1456 году, когда Людовик XI, тогда еще дофин, прибыл искать убежища у герцога Бургундского в Брюсселе, он был принят герцогиней Бургундской в сопровождении герцогини Шароле и герцогини Клевской, ее близких родственниц. Итак, эти дамы не замедлили оказать молодому принцу все знаки покорности и подчинения, которые он мог бы получить от вассала. Например, выйдя ему навстречу и встретив его, герцогиня Бургундская стала намереваться идти позади него. Дофин, правда, отказался принять эти почести...: «Они пребывали в этих переговорах, – говорит Алиенора, – более четверти часа, и в конце концов, когда он увидел, что Госпожа ни за что не желает идти впереди, он взял ее под руку (под левую руку) и повел, о чем моя упомянутая госпожа наговорила немало; ибо ни за что не желала идти под руку (с ним, знак равенства), и го-

ворила, что она не должна так делать. Но ему (дофину) было угодно, чтобы она так сделала, и поэтому она так и сделала. И в сем порядке Госпожа привела его в свою комнату, и, прощаясь с ним, она преклонила колени до земли, и подобным же образом мои другие госпожи Шароле и Равестен (герцогиня Клевская), а затем и все остальные».

Выше было видно, что герцогиня Бургундская, после того как ей несли шлейф ее платья дама или дворянин, однажды оказавшись перед королевой, взяла этот шлейф из чужих рук, чтобы держать его сама. Это практиковалось и в отношении многих других почестей. Так, герцог и герцогиня, в лоне своего двора, велели покрывать все предметы, служившие для стола, от кувшина для омовения рук, который покрывали салфеткой, до шкафчика, где хранились кубок или чаша, нож и другая посуда; до ларца, закрытого и, кроме того, завернутого, в котором подавали пряности. (Отсюда слово **куверт**; накрывать на стол.) Равным образом, оруженосец пробовал (дегустировал) кушанья перед ними. Но в присутствии короля, то есть верховного сюзерена, все эти знаки верховенства отнимались у них этикетом и переходили к королю как исключительная привилегия государя.

«Почести двора» затем подробно, в серии отдельных статей, распространяются о **гезене**, то есть о родах принцесс и других дам, и о знаках отличия, которые должны сопровождать крещение их детей. «Слышала я от матушки моей, – замечает по этому поводу дама Алиенора, – что госпожа На-

мюрская говорила герцогине Изабелле, что королевы Франции имели обыкновение лежать (рожать) совсем в белом; но что мать короля Карла (VII, Изабо Баварская) стала лежать в зеленом; и с тех пор все так делали». Королева Франции и великие принцессы занимали для своих родов три главные комнаты. Первая служила матери: это была **родильная комната**. Помимо ложа, которое находилось, в зависимости от сезона, ближе всего к огню, там были еще две другие большие парадные кровати, увенчанные богатыми занавесями из золотой парчи или шелка, устланные золотыми покрывалами, обшитыми горностаем и подбитыми фиолетовой шерстяной тканью, все это покрытое своего рода прозрачным чехлом из легкого газа. Собственно простыни, или полотняные покрывала, были видны лишь у изголовья. Впрочем, по крайней мере две из этих трех постелей всегда оставались незанятыми. Пол, стены и потолок были затянуты коврами. Между двумя большими кроватями проходил проход, который был закрыт или перегороден для королевы четырьмя занавесями, а для герцогини Бургундской – тремя, занавесями, называвшимися **траверсами**. У одного из концов прохода ставили большое кресло, или массивный стул из резного дерева, увенчанный балдахином и устланный подушками. Возле кровати роженицы ставили маленькую скамью, также покрытую ковром – предмет мебели, который ныне называли бы каузеузой или шезлонгом, – для использования лицами, допущенными к ней. Комната должна была, кроме то-

го, быть снабжена **дрессуаром** или этажеркой в пять ступеней для королевы и в четыре для герцогини. На этой мебели выставляли самые великолепные изделия из посуды, такие как блюда, тарелки, чаши, кувшины, чашки, чаши из чистого золота и другие сосуды, «которые кладут туда лишь в таких случаях». «При рождении мадемуазель Марии Бургундской, которое произошло в городе Брюсселе в лето от Рождества Христова 1456-е, среди прочей посуды на упомянутом дрессуаре было три золотых ларца, украшенных драгоценными камнями, из которых один оценивался в сорок тысяч эю, а другой – в тридцать тысяч». Эти ларцы служили для того, чтобы предлагать пряности посетителям. На той же мебели можно было видеть еще два больших подсвечника с зажженными свечами, «пока роженица лежала добрых пятнадцать дней, прежде чем начинали открывать оконные стекла ее комнаты». Рядом с этой комнатой устраивали другую, главной мебелью в которой была **колыбель**, увенчанная балдахином, где покоилось дитя. Третья комната, называемая **парадной**, предназначалась для приема либо посетителей, приходивших навестить роженицу, либо лиц, которые должны были, после определенного промежутка ожидания, проникнуть в родильную комнату. Что касается крещения, то когда речь шла о ребенке государя или принца, колокола звонили во всю мощь, зажигались костры; иногда сооружали **галерею** из дерева, которая вела под укрытием новорожденного от материнской комнаты к купели ближайшей

церкви. Сама эта церковь снаружи была завешана коврами, а внутри украшена всеми возможными убранствами.

Все эти украшения, все эти знаки достоинства варьировались, иерархически убывая, для женщин различного положения. Так, «несколько графинь могут рожать у двух больших кроватей, но они должны быть покрыты лишь мелким горностаем (а не крупным); и может быть ложе перед огнем; но они не должны иметь зеленой комнаты, какую имеют королева и великие принцессы». Равным образом и для них дрессуар был лишь в три ступени. «Жены рыцаря имеют только одну большую кровать и ложе в углу комнаты»; и так далее для женщин, принадлежащих к низшим чинам дворянства. «Однако в последние десять лет некоторые дамы из страны Фландрии стали устраивать ложе перед огнем, над чем очень смеялись; ибо во времена госпожи Изабеллы Португальской никто в стране Фландрии так не делал. Но, – добавляет дама Элеонора, – каждый ныне делает по своему желанию: отчего и надобно опасаться, что все пойдет плохо; ибо статусы слишком велики, как каждый знает и говорит».

Историограф Эtiquette переходит затем к **трауру**. Король никогда не носит траур в черном, будь то по собственному отцу, а в красном или фиолетовом. Королева носит траур в белом в случае вдовства и должна в течение года оставаться во внутренних покоях своих апартаментов: отсюда название **замка или башни Белой Королевы**, которое до сих пор обычно носят многие средневековые сооружения,

не говоря уже о немногих памятниках, которые могли получить свое происхождение и наименование от королей по имени Бланка. Различные залы должны быть затянуты черным. В **великом трауре**, как по мужу или отцу, не носят ни перчаток, ни украшений, ни шелка. Голова должна быть покрыта черными головными уборами, низкими и с длинными концами, называемыми **капюшонами, барбетами, покрывалами и тюрбанами**. Герцогини и **баннерессы** (жены рыцарей со знаменем) соблюдают уединение в комнате шесть недель; но первые в течение всего этого времени, когда речь идет о великом трауре, остаются днем лежащими на кровати, покрытой белыми простынями; тогда как вторые по истечении девяти дней встают и до общего срока должны сидеть перед кроватью на черной простыне. Дамы не ходят на заупокойные службы по своим мужьям, но они должны присутствовать на службах по отцу и матери. По старшему брату носят тот же траур, что и по отцу; но не ложатся в постель.

Что касается обычного течения жизни, то короли, принцы, герцоги и герцогини, только те, которые являются сеньорами и владетельными дамами страны, должны называть друг друга **месье и мадам**, присоединяя к этому их крестильные или земельные имена. Когда старший говорит со своими младшими или пишет им, он может добавлять к их титулам родства слова **прекрасный, прекрасная**: «мой прекрасный дядя, моя прекрасная кузина»; но люди меньшего состояния не должны называть друг друга «месье Жан,

моя прекрасная тетушка», а просто «Жан и моя тетушка». Короли, королевы и т. д. прислуживаются дамами и девицами почета; гувернантка называется **матерью девиц**. Дворяне-служители носят наименование **виночерпия, хлебодача, разрезающего оруженосца**. Глава дома сидит под балдахином или спинкой кресла. Во время трапезы центр королевского стола должен занимать **солонка под крышкой**; вокруг располагают четыре серебряных тарелки для пробы яств. Но все эти привилегии запрещены лицам низшего ранга, таким как графы, бароны, виконты и т. д. «Это, – говорит Алиенора в заключение, – почести, установленные, соблюдаемые и хранимые в Германии, в Империи, также в королевстве Франции, в Неаполе, в Италии и во всех других странах и королевствах, где надлежит руководствоваться разумом». Здесь уместно заметить, что **Этикет**, зародившись во Франции, распространился оттуда среди других народов христианского мира. Однажды укоренившись на этой последней почве, он приобрел, правда, строгость и неизменность, которые сохранял более постоянно, чем во Франции. У нас лишь с XVII века, и особенно при Людовике XIV, королевский Этикет, или придворный Церемониал, стал действительно наукой и даже своего рода культом, подчиненным мелочному и сакраментальному ритуалу, где пышность и точность часто приводили к невероятной стесненности и ребячеству. Но среди вечных изменений времен и обычаев то, что всегда отличало французскую нацию среди всех прочих в отноше-

ниях светского общества, была **благородство и достоинство**, смягчаемые умом и изяществом.

III. ЦЕРЕМОНИАЛ НАРОДНЫХ КЛАССОВ.

Третье сословие, как указывает его название, было в Средние века третьим и последним классом общества. Этот класс, которому, если вспомнить знаменитое выражение, суждено было стать всем в нашем современном политическом устройстве, тогда в счет не шел.

И однако его истинная важность раскрывается особенно наблюдениям историка, когда он проникает, как мы делаем в настоящий момент, несколько более глубоко в нравы предшествовавших нам поколений. **Третье сословие** тоже имело свою долю пышностей, церемоний, своих проявлений нравственной жизни. На аристократических и религиозных празднествах его присутствие придавало характер величия, которого они не получили бы без него. Более того, оно одно питало целый мир разнообразных торжеств. Само это разнообразие столь обширно, что едва хватило бы обширного альбома и объемистой монографии, чтобы его изобразить. Третье сословие составляет, в конце концов, в нашей истории не самый блестящий и передовой, но самый общий и самый существенный аспект человеческой семьи. Вынужденные ограничиться узкими рамками, начнем с того, чтобы дать в целом представление о нашем предмете с помощью нескольких разделов, которые могли бы, так сказать, умножаться до бесконечности.

Церемониал народных классов мог бы быть распределен сначала по следующим категориям.

1° ПРАЗДНИКИ РЕЛИГИОЗНЫЕ.

Помимо торжеств, установленных церковным ритуалом, сюда следует отнести множество обрядов и церемоний, которые, взяв свое начало либо в религиях античности, либо в христианстве, продолжали существовать рядом и иногда наперекор ортодоксии, под всемогущим покровительством обычая и традиции. Таковы были, между прочим:

Церемонии **праздника Тела Христова** в Экс-ан-Провансе, учрежденные в 1474 году королем Рене Анжуйским;

Процессия и **юбилей Святого Макария** в Генте;

Те же в честь **Святого Румольда** в Мехелене;

Понедельник Клятвопреступника в Дуэ;

Празднества и процессии **дракона Байи** в Реймсе; **Благой Святой Червь** или **Святой Радегунды** в Пуатье; **Святого Лупа** или **Посоленного мяса** в Труа; **Горгульи** или **Раки Святого Романа** в Руане; **Грауилли** в Меце; **Лусии** в Байонне; **Тараски** в Тарасконе;

Пляски Святого Кириака и **Святого Тибо** в Провене;

Проводы Постной пицци, **Погребение Аллилуйи**, **Закапывание колоколов** во многих городах;

Зеленый Волк в Жюмьеже;

Бесовщина и **Праздник Трех Марий** в Шомоне и других местах;

Праздники Осла, Богоявления, Невинных младенцев, Святого Стефана и т. д., которые праздновались во всем христианском мире.

2° ПРАЗДНИКИ ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ И ШУТОВСКИЕ.

Связь странная, но очевидная, соединяет с предшествующей категорией праздники **Базилики**;

Праздники **Бадэнов, Тюрлюпенов, Беспечных ребят, Клерков мраморного стола** в Париже;

Праздники **Трусов или Рогатых** в Руане;

Праздники **Матери-Дуры или Матери-Безумной** в Дижоне, Шалоне и других местах;

Праздники **Аббата Злоуправления** в Пуатье; **Принца Удовольствия** в Валансьене; **Императора Юности** в Лилле; **Аббата Радости** в Аррасе; **Гайярдона** в Шалон-сюр-Соне.

3° ПРАЗДНИКИ ВОЕННЫЕ ИЛИ ГИМНАСТИЧЕСКИЕ.

Торжества братств, именуемых **Аркебузьерами, Стрелками, Арбалетчиками, Попугая, Святого Георгия** и т. д.

Праздники **Короля Шипа** в Лилле и **Лесничего** в Брюгге.

4° ПРАЗДНИКИ ПРИРОДНЫЕ.

Бег на копьях, Схватки, Борьба, Факелы, Шам-Го-

ло в Эпинале и подобные; **Пахарей** в Монтелимаре; **Омелы в Новый год** в Анжу; **Фонтанов** в Бретани; **Майского дерева, Снопа, Весны, Роз; Костра на Иванов день** и т. д., и т. д.

5° ПРАЗДНИКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЛИ ПАМЯТНЫЕ.

В этот класс, без сомнения, следует отнести столь многочисленные, столь стойкие и столь темного происхождения торжества, как, например, чтобы среди множества подобных привести небольшое число образцов:

Бары или **Вары** в Мессине; **великана Рёйса** в Дюнкерке; **Гаяни** в Дуэ, Камбре и т. д.; **Праздник стражи Святого Максима** в Рье, в Провансе; **Пепезюка** в Безье; **Митурий** в Дьеппе; **процессии Жанны д'Арк** в Орлеане; **Жанны Лакетт** в Бове и т. д., и т. д.

Уместно было бы перечислить здесь бесчисленные

6° ПРАЗДНИКИ КОРПОРАЦИЙ И СООБЩЕСТВ.

Праздники **школьников, землячеств, университетов, школ всех видов**, такие как **Ленди, Праздник мая, день Святого Карла Великого, день Святого Гийома** и т. д., и т. д.;

Праздники **Валентинов и Валентинок;**

Праздники **Святой Екатерины, Святого Николая;**

Вручения роз членам парламента;

Литературные праздники **поэтических состязаний**

(Пюи), Клеманс Изор; Капитолийские в Риме, Флоренции и т. д.;

Праздники корпораций: Цехи, Ремесла, Уставы, Промышленные братства и т. д.;

Праздники покровителей, называемые также **Сходками, Дукассами, Безумствами, Ярмарками, Кермессами, Поминованиями** и т. д., и т. д., и т. д.

Наконец, следовало бы зарегистрировать и изучить под смутным заголовком **Народных увеселений** все эти обряды, все эти забавы, которые, применяясь к самым различным торжествам и меняясь в зависимости от стран еще более, чем от времен, составляли общий и, так сказать, постоянный фонд народного Церемониала.

Разумеется, от нас не ждут, чтобы в том малом пространстве, которое здесь нам отмерено, мы попытались заполнить столь обширные рамки. Кроме того, по многим пунктам, которых мы здесь коснулись, читатели этой книги найдут в различных ее главах специальные сведения, которые должны избавить нас от повторов. Поэтому мы кратко завершим нашу задачу, ограничившись некоторыми пояснениями, касающимися наиболее важных торжеств или менее известных особенностей гражданского Церемониала.

Самые обычные торжества и церемонии, те, что сохраняются среди нас наиболее упорно, не суть те, что восходят к менее древнему происхождению. Так, обычай радостно праздновать начало года или посвящать удовольствию

определенные дни зимы, **Новый год, Подарки, Крещение, Масленица**, так же древни, сколь и повсеместно известны и практикуемы. Обычай посылать друг другу подарки в первую из этих эпох встречается в восточной цивилизации так же, как и в нашей. В Средние века принцы, и особенно короли Франции, получали от своих приближенных в виде **подарков** заинтересованные подношения, на которые они должны были отвечать с лихвой. Ныне такова же спекуляция, которая руководит многим подарком, что слуги или подчиненные преподносят своим начальникам или хозяевам: такова же не высшая ли причина этих пожеланий, еще более экономных и не менее продуктивных, которые часто их заменяют? В Англии эти обмены щедротами происходят в день Рождества под названиями *Christmas gift* и *Christmas day*; в России это день Пасхи, и они сопровождаются формулой, которую даже прохожие на улице говорят друг другу: «Христос воскрес!»

Эти обычаи, как и многие другие, завещаны нам, как никто не знает, античностью. То же самое с множеством других обрядов, более или менее местных, более или менее известных или объясненных, которые соблюдались веками в разных странах. Прежде в **Оксенбахе**, в Вюртемберге, в пору масленицы женщины одни праздновали пир, на котором их обслуживали мужчины, и подвергались между собой своего рода суду, от которого мужчины также были исключены. Историки приписывают происхождение этого обычая древ-

нему культу **Доброй богини**. В **Рамерю**, маленьком городке Шампанского графства, в Средние века, ежегодно, 1 мая, жители этого города отправлялись числом до двадцати человек, охотясь по дороге, в деревню Сен-Реми, от него зависимую. Это были **безумцы из Рамерю**; самый безумный вел ватагу. Жители Сен-Реми должны были бесплатно принимать их самих, их лошадей и собак; велеть отслужить для них мессу и сносить все выходки капитана; они должны были предоставить им, кроме того, барана красивого и с хорошими рогами, которого с триумфом увозили обратно. По возвращении в Рамерю безумцы салютовали выстрелами из ружей или фейерверком, когда порох вошел в употребление, дверям кюре, бальи, фискального прокурора; затем собирались на площади рынка и плясали вокруг барана, увенчанного лентами. В **Бар-сюр-Об** и окрестностях (а также, как это практикуется и в других местностях), в определенные дни года девушки отправляются на холм **Святой Жермены**, к месту, где, согласно преданию, была погребена эта мученица около V века христианской эры. Там они закапывают в землю булавки, надеясь этим жертвоприношением и заступничеством святой Жермены обрести мужа по своему желанию.

Еще более странное торжество, которое, как полагают, может восходить к дионисийским празднествам язычества, соблюдалось вплоть до 1790 года и даже после того в **Безье**; оно носит названия **праздника Пепезюка**, или **Триумфа Безье**, или еще **Шаритаков**, то есть **Благотворительно-**

стей. В Безье, в нижней части улицы Франсез, можно видеть изуродованную статую, прислоненную к стене и которая, несмотря на всевозможные оскорбления, следы которых она носит, явно обнаруживает работу античную и даже времен расцвета. Эта статуя известна под именем **Пепезюк**, приписанным, по смутному и явно вторичного происхождения преданию, гражданину Безье, который якобы победоносно защитил город от готов, другие говорят – от англичан. Как бы то ни было, эта статуя играла важную роль в празднике **Шаритаков**, который повторялся каждый год в пору Вознесения. В день этого праздника огромная процессия, состоявшая из большей части жителей, обходила город Бетерров. В ней особенно выделялись три замечательные машины. Первая была **колоссальным верблюдом**, сделанным из дерева и приводимым в движение механизмами таким образом, что он ходил и двигал членами и челюстями. Верблюд был поручен попечению проводника, называемого **Папари**, чей портрет местный поэт рисует так:

Папари, верблюда верный управитель,

Его хозяин, его советник, его наставник, его любимчик,

С перевязью на боку, чтобы нести свой штандарт,

И на своей шапке – лисий хвост.

Вторая была **катящейся галерой**, на которую поднимал-

ся и которую сопровождал многочисленный экипаж.

Третья состояла из **колесницы**, на которой помещался передвижной театр. Консулы и другие власти города, корпорации ремесленников (во главе пастухи и овчары), пешие, кузнецы, конные, все несущие свои соответствующие знаки и знамена, составляли остальную часть процессии. Двойная толпа, состоявшая из отряда молодых парней и другого – молодых девушек, вооруженных белыми обручами, украшенными лентами и бантами ярких цветов, предшествовала молодой девушке, увенчанной цветами, наполовину завуалированной и несущей корзину. Эта процессия трогалась под звуки музыки. Периодически пары молодых людей сходились и исполняли с помощью своих обручей хореографические фигуры, называвшиеся **Танец виноградных лоз**. Верблюды и другие машины останавливались последовательно в разных местах. Он заходил, в частности, в церковь **Святого Афродисия**, первого апостола Безье, который, согласно местному преданию, прибыл, верхом на верблюде, проповедовать Евангелие в этой стране и получить там пальму мученичества. Достигнув статуи Пепезюка, молодежь украшала ее изображением фаллоса. На городской площади театр останавливался, как некогда колесница Фесписа, и произносил некоторые сатирические шутовства, возобновленные из Аристофана. На галере находились молодые люди, которые подбрасывали в воздух драже и другие сласти и получали их от зрителей. Наконец, люди, одетые дикарями, увенчанные

зеленой листвой, несли каждый на голове хлеб, который должен был быть, как и другие припасы, нагруженные на галеру, роздан среди бедных города.

Среди самых блистательных и характерных празднеств Средневековья невозможно не остановиться мгновение на этих **процессиях ремесленных цехов**, воспоминание о которых так живо впечатляло население, что эта пышность пережила почти все институты этого периода. Вот сокращенное описание одного из таких торжеств, которое произошло в **Антверпене** в 1520 году, в воскресенье после Вознесения. Мы заимствуем его текст из современного сочинения, «История фламандской и голландской живописи» г-на Альфреда Мишьеля (1847, in-8°, т. III, стр. 154):

«Все ремесленные корпорации присутствовали там, каждый член в самых богатых одеждах; во главе каждой гильдии развевалось знамя, а в промежутке, отделявшем одну от другой, горела огромная свеча. Длинные серебряные трубы, флейты, барабаны задавали ритм шествию. Золотых дел мастера, живописцы, каменщики, вышивальщики шелком, скульпторы, столяры, плотники, судовщики, рыбаки, мясники, кожевенники, суконщики, булочники, портные и люди других состояний проходили таким образом в два ряда. Затем шли стрелки из арбалета, аркебузы и лука, одни верхом, другие пешими. После них двигались монашеские ордены; за ними следовала толпа горожан в великолепных костюмах. Многочисленная группа вдов привлекала особое внимание:

они были одеты в белое с головы до ног и составляли своего рода братство, питавшееся трудом своих рук и соблюдавшее определенный устав. Каноники и священники сверкали золотом и шелком. Двадцать человек несли статую Девы, держащей Сына и пышно украшенную. Повозки и катящиеся корабли завершали шествие. Там были всевозможные группы, представлявшие сцены из Библии и Евангелия, как Благовещение, Приход волхвов, сидящих на верблюдах, Бегство в Египет и другие эпизоды. Последняя машина изображала дракона, которого святая Маргарита вела на пышной узде; за ней следовали святой Георгий и несколько блистательных рыцарей».

Что касается общего и нераздельного класса **празднеств и общественных увеселений**, то они варьировались, повторяем, как по содержанию, так и по форме. В Германии и во Франции было в обычае, когда принимали особу знатного происхождения, предлагать ей **вина города**. В **Лангре**, например, эти вина содержались в четырех оловянных сосудах, называемых **симайзами**, которые до сих пор хранятся в ратуше; они обозначались так: **вино льва, вино обезьяны, вино барана, вино свињи**. Эти символические наименования выражали различные степени или различные характеры опьянения, производимого виноградным плодом, то есть храбрость (лев), лукавство (обезьяна), добродушие (баран) и скотство (свинья). В Испании и во всем юге Европы не обходилось без празднеств без **скачек на лошадях, без боев**

быков, медведей или других животных. Венецианский карнавал был знаменит уже во времена Средневековья, как и представления акробатов и итальянские паяцкие шутки. Во Флоренции и остальной части Апеннинского полуострова **маскарады, драматические представления, кавалькады, игра в кальчо или в мяч**, составляли неотъемлемую часть всякого публичного торжества. Наконец, есть последний род развлечения, который с изобретения пороха получил в современном мире постоянное распространение и остается в наше время одним из обязательных украшений всякого большого праздника; мы хотим говорить о **фейерверках**. Тот, который был устроен в Антверпене при въезде в этот город короля Испании Филиппа II, был, вероятно, одним из первых, что изумил собравшуюся толпу. Это, как нам кажется, явствует из любопытного описания, которое последует и которое мы воспроизводим текстуально; оно извлечено из сочинения под заглавием: «Превесьма достопамятный, превеликолепный и претриумфальный въезд превысокого и премогущественного принца Филиппа, принца Испанского, сына императора Карла I, в преславный и цветущий город Антверпен, в лето 1549» (in-f°, с гравюрами на дереве). Тщательно проанализировав все пышности этого дня, фламандский историограф посвящает последней главу, которую вы сейчас прочтете: **ОДНО ДИВНОЕ НОЧНОЕ ЗРЕЛИЩЕ:**

«После того как упомянутое празднество завершилось,

пока веселились плясками и другими забавами, вот внезапно и незримо предстало и явилось дивное зрелище.

На площади стояло дерево, искусно сделанное, разумной высоты, хорошо разветвленное и покрытое листвою, полное плодов, возле этого дерева были две статуи, или нагие изображения, искусно вырезанные из дерева. Одна была **Адам**, а другая **Ева**; между ними висел на этом дереве огромный, ужасный и страшный **змей**.

Все члены Адама и Евы, все листья и яблоки на том дереве были полыми и пустыми внутри, наполнены маленькими ракетами пороха, и так хитроумно составлены, что их нельзя было хорошо (и особенно ночью) видеть или различать.

Итак, пока каждый смотрел и рассматривал это зрелище, вот незримо и внезапно, от ног Евы, поднялось мало-помалу маленькое пламя, или искра огня, и хитроумно проникло в чрево Евы, которое тотчас лопнуло, производя звук весьма ужасный и страшный вдали. Оттуда появились и произошли более сотни других огней, затем перейдя к Адаму, потом к змею, и, следовательно, к упомянутому дереву. Там лопнули Адам, Ева, змей; все вместе лопнули листья дерева. Там можно было слышать шум дивный, странный и ужасающий: тогда Ева была почти вся сожжена; затем горел Адам, вместе со змеем, которые скоро были обращены в пепел.

Столько яблок и листьев, сколько было на упомянутом дереве, со столькими же огнями видели, как оно горело. Одним взглядом видели тысячу огней; одним слухом слышали

шум тысячи выстрелов из аркебуз. Те, кто были поблизости, как от внезапного множества выскакивающего огня, так и от внезапного шума стольких громов, были столь ужасно напуганы, что от страха и ужаса, как от громового удара, падали на землю, ужасно ревя и крича; один – туда, другой – сюда – наперегонки – поспешно бежали, вовсе не дожидаясь друг друга».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. – ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ

ЦЕХОВЫЕ КОРПОРАЦИИ

Цеховые корпорации ремесленников, как отмечает господин Огюстен Тьерри в своих «Рассуждениях об истории Франции», имели большое историческое значение в Средние века благодаря своей долговечности и социальным результатам. Когда же они начинают появляться в современном мире? Какие предшествующие элементы заимствует их организация и их сила? Каковы основные черты, их характеризующие? Эти вопросы, первые, но не единственные, которые поднимает их история, всё ещё далеки от достаточной ясности. Современные историки, столь любопытные ко всему, что касается механизма наших прошлых институтов, похоже, не уделили им всего того внимания, которого они заслуживают. Они, впрочем, обширны, сложны и полны неясностей. Постараемся вкратце изложить то, что о них известно.

Цеховые корпорации ремесленников столь же древни, как и сами ремёсла, дисциплину которых они регулировали и

прогресс которых они попеременно то поощряли, то тормозили. Они находят своё происхождение одновременно в природе вещей и в истории. Великие касты, возможно, последние следы стёртых национальностей, которые встречаются у истоков цивилизаций и которые присваивали себе различные функции в социальном механизме, были естественным прообразом более узких и специализированных ассоциаций, деливших между собой различные ремёсла; чем менее, впрочем, действенной была защита той общей силы, которую впоследствии назвали Государством, тем более люди, сближенные сходными интересами, стремились объединяться для самозащиты и, подчиняясь двойственному инстинкту, в некотором смысле противоречивому, равновесие которого поддерживало порядок в целом и активность у индивида, они становились союзниками для развития общего благосостояния и тем более ревностными соперниками ради увеличения своего личного состояния.

Римляне довольно рано узнали подобные корпорации, которые они называли коллегиями. Свидетельства латинских историков, всегда, впрочем, весьма сомнительные, когда речь заходит об этих отдалённых эпохах, позволяют нам отнести их учреждение к Нуме; это был тот царь, говорят они, который впервые разделил ремесленников Рима на девять коллегий, дал им собрания, уставы и особые культы. Эти корпорации вскоре были упразднены Туллом Гостилием, восстановлены Сервием, вновь запрещены, затем вновь

учреждены и расширены децемвирами, и много раз впоследствии были распущены или восстановлены в своих правах, вплоть до Калигулы, который окончательно их восстановил. Дело в том, что их существование действительно представляло для республики постоянную опасность, неиссякаемый источник смут. Составленные из невежественных, буйных и корыстолюбивых людей, они ежедневно своими коалициями угрожали безопасности государства и поставляли революционным демагогам Трибуната всегда послушную и дисциплинированную армию. Последние императоры, Траян и его преемники, относились к ним без особого благоволения; однако они их терпели, поскольку ремесленники, лишённые всякого уважения в Риме, были лучше приняты в провинциях и не могли удерживаться в столице Империи иначе как привилегиями или принуждением. Использовали попеременно то одно, то другое средство. Коллегии в ту эпоху были многочисленны: современник Александра Севера называет тридцать две; Константин указывает на тридцать, отличных от первых, а надписи сообщают и о других. (HEINECCI, Opera, 1766, in-4°, см. т. II, дисс. IX: De collegiis et corporibus opificum.)

Однако эти коллегии имели легальное существование лишь после получения одобрения публичной власти. Все ремесленники одной и той же профессии в них допускались, и рабы могли входить в их состав, когда получали разрешение своих господ; в них вводились даже лица, чуждые

профессии, для участия в религиозных жертвоприношениях (*religionis causa*), и часто это были значительные люди, становившиеся покровителями и защитниками корпорации (*RAYNOUARD, Hist. du droit municipal en France, liv. I, chap. XXI*) или всех корпораций одного города. Некоторые профессии, среди прочих – пекарей, были наследственными; но один и тот же ремесленник не мог принадлежать к нескольким коллегиям. Последние имели право составлять свои статуты и уставы; они собирались для этой цели и для обсуждения своих общих интересов; они избирали руководителей, квесторов, пятилетних магистратов, прокураторов, которые докладывали им о делах, интересующих сообщество, и решали эти дела большинством голосов. Они обладали коллективной собственностью, управление которой им было доверено; они взимали взносы со своих членов: у них была общая касса. Иногда закон освобождал их от некоторых налогов или некоторых повинностей, таких как военная служба, охрана стен или обязанность покидать города во время чумы. Им были доступны некоторые второстепенные функции в управлении муниципиями. Наконец, они почитали особых покровительствующих богов, сообща совершали жертвоприношения, празднества, увеселения и пиршества. Таковы, кратко указанные, черты римских корпораций.

С другой стороны, новая форма ассоциации, уже не местная и особая, ограниченная определённым городом или профессией, но общая и личная, предстаёт перед нами с глубо-

кой древности в Северной Европе; это Гильдия, род одновременно взаимного страхования и масонства, происходящий из Скандинавии и быстро распространившийся среди германцев. В этой Гильдии, чьё название означает пиршество на общий счёт, существовала, по словам Огюстена Тьерри, взаимная гарантия против насильственных действий, оскорблений, против пожара и кораблекрушения, а также против судебного преследования, навлечённого за преступления или проступки, даже доказанные. Каждая из этих ассоциаций была поставлена под покровительство какого-либо бога или героя, чьё имя служило для её обозначения; каждая имела глав, избранных из своей среды, общую казну, пополняемую ежегодными взносами, и обязательные уставы для всех своих членов.

Откуда же произошла корпорация Средневековья? От римской коллегии? От скандинавской гильдии? Вопрос, долго и горячо дискутировавшийся среди учёных по поводу установления коммун, и по которому они ещё не пришли к согласию.

Можно утверждать, что при германских завоевателях, с того момента, как Европа вырвалась из-под власти Рима, не освобождаясь, однако, полностью от его законов, рабочие братства не переставали существовать ни на мгновение. Немногие их следы, которые можно найти, не позволяют верить в их процветание, но они, по крайней мере, свидетельствуют об их устойчивости. В V веке история святого от-

шельника Ампелия, жившего в Симиезе, упоминает консулов или глав слесарей. Корпорация золотых дел мастеров встречается при первой династии наших королей. Карл Великий принимает меры, чтобы число пекарей соответствовало потребностям потребления, что предполагает определённую организацию этой профессии. Те же ремесленники названы в 630 году в ордонансах Дагоберта. В Ломбардии, сколь бы тёмной для этого времени ни была промышленная законодательная база, появляются коллегии ремесленников, и, хотя большинство ремесленников были сервами, сами лангобарды не гнушались заниматься некоторыми ручными промыслами. (CIBRARIO, *Della economia politica del medio evo*, с. II. – L. 60.) Равенна представляет нам в 943 году коллегию рыбаков; десять лет спустя – главу корпорации купцов; в 1001 году – главу корпорации мясников. В 1061 году наш король Филипп I предоставляет некоторые привилегии бедным свечникам-маслоделам. Старинные обычаи мясников уже упоминаются во времена Людовика VII (1162); и тот же государь дарует в 1160 году жене Ива Лаккора и её наследникам пять ремёсел, то есть сборы, к которым они давали повод: скорняков, кошельников, ленточников, сапожников и шорников (*sutores*, башмачников). (ЭТ. БУАЛО, *Книга ремёсел*; Введ. г-на Деппена.) При Филиппе-Августе подобные пожалования становятся многочисленнее, и чувствуется, что институт начинает упорядочиваться. Вероятно, этот король утвердил статуты нескольких корпораций; он под-

твердил статуты мясников (1182) и предоставил им некоторые милости. Скороходы и суконщики (1183) также были объектом его благосклонности.

Значит ли это, что корпорации – чисто римского установления? Нет, без сомнения. Бесспорно, что ассоциации, подобные гильдиям, проникали в Галлию вслед за завоевателями. Они были при первой династии, среди разнообразных рас победителей и побеждённых, причиной серьёзных беспорядков. Карл Великий боролся с ними и хотел их запретить. Норманны образовали в этой форме и для своего освобождения обширное объединение, которое на мгновение поставило под угрозу судьбу феодализма. Но мы считаем, что следует сделать вывод, вместе с г-ном Ог. Тьерри, что корпорация родилась, как и городская коммуна, от применения Гильдии к чему-то предшествовавшему корпорациям или коллегиям рабочих, которые были римского происхождения. – Эта Гильдия, – говорит в другом месте тот же писатель, говоря о коммунах, – и мы можем применить его слова к интересующему нас предмету, – находится в конституции некоторых городов, а не всех; там, где её находят в странах, некогда римских, она является не основой, а лишь формой муниципального режима; наконец, её применение к этому режиму относится к XI веку, а не ко времени, более близкому к установлению германского господства. Гильдия, так сказать, дух, двигатель; римская коллегия и её организация – материя, которую надлежало оплодотворить, и было

бы, говорит ещё г-н Ог. Тьерри, интересным исследованием увидеть, каким образом движущий принцип, новый элемент, был применён к старым элементам муниципальной организации, каким образом и в какой пропорции он с ними соединился.

Как бы то ни было, корпорации померкли на несколько веков, вместе с германским господством; их значение уменьшилось: они почти исчезли в этой всеобщей анархии и в этом возврате к варварской жизни, когда изготовление предметов, необходимых для жизни, предоставлено рабам и осуществляется на глазах и в доме господина. Когда же они начали возвращать немного своего прежнего блеска и попытались восстановиться? Это произошло, почти по всей Европе, около XII века. Италия дала первый толчок. Довольно рано также братства ремесленников образовались на севере Галлии, откуда они распространились в города за Рейном; в Дании они установились гораздо позже, и эта страна, перенимая их, подражала Германии: Гильдия, в самом деле, долго сохраняла там свою первоначальную, личную форму. При Генрихе I в Германии общим состоянием ремесленников всё ещё было крепостничество, и уже в XII веке коллегии, под названием *Einnungen* или *Innungen* (объединения), *Zunffle*, *Aemler*, там уже были многочисленны. В 1153 и 1195 годах епископы Магдебурга благоприятствовали их установлению в своих владениях; их можно видеть ещё в Госларе, Вюрцбурге, Сент-Омере, Брауншвейге. Однако эти коллегии

в Империи не смогли утвердиться без борьбы; они вскоре выдвинули притязание заменить сенаторский порядок и захватить управление городами, но встретили у своих противников энергичное сопротивление. XIII век был свидетелем этих ожесточённых и кровавых битв, где обе партии, попеременно побеждённые и победившие, раздражали друг друга жестокими расправами и множеством казней. Брауншвейг, Магдебург, Вюрцбург, Гослар, Любек были последовательно их театром. Императоры Фридрих II и Генрих VII тщетно пытались положить им конец, упразднив корпорации рабочих, и эти уже окрепшие объединения устояли против имперской власти.

Во Франции организация цеховых корпораций ремесленников, которая многими узами связана с коммунальным движением, но которую, однако, не следует полностью с ним смешивать, не вызвала тех яростных бурь, которым она дала повод в Германии: она даже, кажется, не встретила противодействия со стороны государей. Самой древней, без сомнения, и самой значительной из этих корпораций является Парижская Ганза, или Компания буржуа водной торговли, которая, возможно, обязана своим происхождением коллегии парижских лодочников, существовавшей до варварского завоевания и получившей даже при первой династии некоторые муниципальные прерогативы. (ЛЕ РУА, Дисс. о происхождении Ратуши, в начале Истории Парижа Фелисьена.) В это время суровой и трудовой жизни одни лишь купцы

составляли всю буржуазию городов. Над ними были дворянство и духовенство; под ними – ремесленники, образующие простонародье; и неудивительно, что корпорация Водной торговли Парижа, то есть вся буржуазия этого города, рассматривавшаяся в XII и XIII веках почти как особая торговая компания, в конце концов стала самым муниципальным корпусом. Наши короли, впрочем, относились к ней с постоянным благоволением. Людовик VI предоставил ей новые права; Людовик VII подтвердил её старинные привилегии, Филипп-Август их увеличил. Парижская ганза сумела обеспечить себе привилегию навигации по Сене и Йонне, между Мантом вниз по течению и Осером вверх по течению. Иностранцы купцы, нормандские, бургундские, не могли преступать эти пределы и привозить свои товары в Париж, не вступив в ганзу и не приобщив к своим прибылям буржуа, который служил им поручителем; это называлось письмами французской ганзы и компании. Именно Водная торговля руководила также разгрузкой всех товаров, прибывавших по реке: вина, зерна, соли, леса или угля; позже – сена, драмки, камня и черепицы, пресноводной рыбы, чеснока, лука, орехов, яблок, мушмулы, каштанов, вайды, извести, семян и т.д. И с момента, когда эти товары касались порта Грэв, до того, когда они распределялись между торговцами, которым поручали их продавать, корпорация через своих делегатов осуществляла надзор; она осуществляла полицию весов и мер, эталоны которых находились в её владении, и суд её

прево судил в первой инстанции споры, касающиеся водной торговли. Руан, по примеру Парижа, также учредил ганзу, присвоившую себе точно такие же привилегии. Мант имел другую в начале XIV века. Встречались, впрочем, подобные ассоциации почти во всех торговых городах, расположенных на берегах моря или рек: в Арле, Марселе, Нарбонне, Тулузе, Монпелье, Регенсбурге, Аугсбурге, Бамберге, Утрехте. Ганза Линкольна была разрешена Эдуардом Исповедником. Иногда города объединялись между собой и образовывали торговую лигу, знаменитым образцом которой служат ганзейские города, собравшиеся в количестве восьмидесяти вокруг своих четырёх столиц: Любека, Кёльна, Брауншвейга и Данцига. Другие города подражали этим обширным ассоциациям, и образовались особые ганзы, в частности, во Франции, между Парижем и главными городами Севера, между Монпелье и главными городами Юга. Мы не будем на этом настаивать, ибо, следует заметить, эти ганзы скорее торговые компании, чем собственно корпорации; они гораздо больше относятся к истории торговли, чем к нашему предмету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.